

Рис. 24. Привозная неполивная столовая посуда.

И. Б. ТЕСЛЕНКО*Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия)***ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА ЭПОХИ ПАЛЕОЛОГОВ ИЗ РАСКОПОК КРЕПОСТИ В АЛУШТЕ**

Аннотация: После реставрации империи Ромеев под эгидой династии Палеологов в 1261 г. ее власть уже практически не распространялась на Таврику. Однако византийские товары, в частности керамика, продолжали поступать сюда на протяжении еще более полутора столетий. Основными их поставщиками были итальянские купцы, закрепившиеся на побережье Крыма. Для детализации представлений о масштабах этой торговли актуальными остаются полные публикации материалов раскопок различных археологических памятников. Исходя из этого, главной целью настоящей работы стало введение в научный оборот находок поливных керамических изделий византийского круга второй половины XIII – XIV вв. из раскопок небольшого средневекового городского центра, располагающегося на территории современной Алушты в Южном Крыму.

Ключевые слова: Крым, Южный берег, средневековье, эпоха Палеологов, морская торговля, византийская поливная керамика.

Начало эпохи Палеологовского возрождения ознаменовано активизацией торговли в Черноморском бассейне. С возвращением Константинополя к Ромеям в 1261 г. и воцарением там новой династии Палеологов, правившей до окончательной гибели Византии в 1453 г., изменились правила использования проливов, беспрепятственный и беспошлинный проход по которым теперь получают генуэзцы. Создавая серьезную конкуренцию венецианцам, они устремились в Северное Причерноморье, стремясь завоевать выгодные позиции на границе Степи, где активизировались торговые пути, проходящие по землям, завоеванным монголами.

Итогом усилий лигурийцев стало основание в Северном Причерноморье ряда торговых факторий, наиболее крупной из которых была Каффа в Юго-Восточном Крыму, просуществовавшая около двух столетий [54, р. 114–118] и постепенно распространившая свой контроль практически на все побережье Таврики от Боспора до Тарханкута [6].

С другой стороны, на территории государства Джучидов по линиям новых коммуникаций и на перевалочных пунктах торговых маршрутов также разрастались городские центры, крупнейшими из которых на Крымском полуострове стали подчиненная монголами во второй четверти XIII в. Сугдея (с 1365 г. переходит под власть генуэзцев) и основанный ими в 1260-е гг. Солхат – столица крымского Улуса [см. напр.: 20, с. 344–345; 29, с. 142–143; 30].

Торговая активность в Северном Причерноморье способствовала экономическому подъему Крыма, что нашло отражение в материальной культуре местного населения, в том числе в керамических комплексах, значительно пополнившихся новыми группами привозной керамики. И хотя власть самой Византийской империи уже практически не распространялась на Таврику, значительная часть керамического импорта при посредничестве итальянских купцов поступала с ее настоящих и бывших¹ владений, сохранявших византийские культурные традиции.

Основная масса привозимого заморского товара оседала в крупных городских центрах (Каффа, Судак, Солхат, Чембало), однако множество более мелких приморских населенных пунктов также оказались в какой-то степени задействованы в морских коммерческих операциях. Среди них и небольшой региональный центр, разросшийся вокруг возведенной в VI веке по приказу византийского императора Юстиниана (527–565) сторожевой крепости Алустон и известный из генуэзских письменных источников XIV в. под названием Луста [см. напр.: 21, с. 299]. Остатки этого населенного пункта располагаются в центре современной Алушты, на вершине прибрежной части хребта (историческое название – «Крепостная горка»), разделяющего долины рек Демерджи и Улу-Узень (Месарли).

Материалы многолетних археологических исследований памятника позволяют получить некоторое представление о масштабах поступления керамики византийского круга в крымскую провинцию в период всплеска коммерческой активности времен Палеологов.

Следует отметить, что теме византийского керамического импорта в Крым и Юго-Восточную Европу на протяжении последней трети XIII – XIV вв. в целом уделено уже довольно много внимания. К настоящему времени удалось выделить ряд характерных визуально фиксируемых признаков, по которым эта керамика выделяется в вещевых комплексах, а также уточнить хронологическую позицию некоторых групп [см. напр.: 5, с. 306–323; 8; 12; 13; 18; 35; 51, с. 398]. Однако, как уже отмечалось, для детализации сведений о масштабах торговли посудой в средневековом Крыму актуальными остаются полные публикации материалов раскопок различных археологических памятников [50, с. 226]. Исходя из этого, главной целью настоящей работы стало введение в научный оборот находок керамических изделий византийского круга палеологовского времени из Алушты.

Подготовительная часть исследования включала два этапа – изучение отчетной документации о раскопках городища и коллекций находок, переданных на

¹ Имеется в виду, в первую очередь, часть нынешней Греции.

хранение в государственный музейный фонд, в данном случае – Алуштинский историко-краеведческий музей (ныне Алуштинский отдел ГБУ РК «Центральный музей Тавриды»).

Археологический контекст, общие замечания

Раскопки на территории городища проводились в 1981 (В. А. Сидоренко), 1984–1994 (В. Л. Мыц) и 1998 гг. (И. Б. Тесленко). Площадь территории, в той или иной мере затронутой этими работами, составила около 0,5 га (рис. 1). Исследования за его пределами, на различных участках посада, на склонах и у подножья «Крепостной горки» (небольшие раскопки, шурфовки, сбор подъемного материала, картографирование археологических объектов) предпринимались в 1998, 1999, 2000–2002, 2004, 2007, 2009 гг. (руководитель работ И. Б. Тесленко). В 2001 г. осуществлена топографическая съемка памятника (автор В. В. Семенов).

На основании данных археологии и свидетельств письменных источников В. Л. Мыц выделил пять основных этапов в истории средневековой Алушты [41]. Затем, с появлением новых данных, он несколько детализировал строительную периодизацию городища, уточнив отдельные из предложенных ранее датировок [42, с. 140, 170–176; 43, с. 76]². Выделенные исследователем «золотоордынский» (последняя четверть XIII в. – 1380-е гг.) и «генуэзский» (1380-е гг. – 1475 г.) периоды отчасти совпадают с палеологовской эпохой.

Нижний хронологический рубеж первого из них маркируется тотальным пожаром, произошедшим не ранее 1260-х гг. и уничтожившим городскую застройку. Один из жилищно-хозяйственных комплексов, сохранившийся и исследованный наилучшим образом, был недавно опубликован [44]. Культурные остатки со слоями аналогичного по времени и масштабам бедствия, кроме Алушты, зафиксированы также в Херсонесе, на Эски-Кермене, Бакле и в других средневековых населенных пунктах [1, с. 223; 24; 14; 15; 16; 44; 45 и др.]. По поводу точной даты этого события специалисты все еще не пришли к единому мнению [44]. Однако даты введенных в научный оборот нумизматических находок из связанных с ним контекстов не выходят за рамки конца 1250–1260-х гг. [3; 44, с. 96–97]. Среди причин катастрофы называют поход Ногай 1278 г. [44, с. 99], но убедительных доказательств в пользу этой версии пока мало.

Со временем правления Палеологов можно с уверенностью соотносить только комплексы, образовавшиеся после этих событий, на руинах сожженных домов. На Алуштинском городище – это остатки городской застройки на цитадели и за ее стенами, где к середине XIV в. появляется как минимум три новые линии городских улиц, повторяющие восточный контур цитадели (рис. 1).

² Детально о периодизации оборонительных рубежей см. [25].

В последней трети XIV в., предположительно в середине 1360-х гг., на городище случается очередной масштабный пожар³. В этот раз трагическое происшествие не повлияло на общую планировку городской застройки, она остается практически прежней. После ремонтов и реконструкций дома продолжают существовать на том же месте вплоть до турецкого вторжения 1475 г. Слои пожара 1360-х гг. и последовавших затем реконструкций выражены в стратиграфии памятника на отдельных его участках [48, с. 332–333], что позволяет уточнять датировку находок керамики в тех случаях, когда они увязаны с конкретным архитектурно-археологическим объектом и слоем⁴.

Анализ керамических находок

В музейный фонд в более или менее полном объеме переданы материалы раскопок 1984–1987, 1992, 1993, 1998 (городище) и 1999, 2000–2002, 2007, 2009 (посад) гг. Частично в музей поступили находки 1988–1991, 1994, 2004 гг. (наиболее выразительные или чем-то примечательные артефакты). Методика раскопок и фиксации материала 1980-х гг. не соответствует современным представлениям о необходимом качестве научных полевых исследований, что во многом, видимо, было обусловлено спецификой новостроечных работ. По этой причине полученную выборку нельзя считать вполне репрезентативной, однако на ее основании все же можно составить общее впечатление о различных группах поздневизантийского импорта, поступавшего на городище.

В целом в музейной коллекции выявлено 89 изделий византийского круга из раскопок на территории городища, которые по условиям обнаружения и/или известным датированным аналогиям⁵ могут быть отнесены к палеологовскому периоду (рис. 2–14)⁶, еще 1 чаша и 2 блюда идентифицированы по рисункам и фотографии из отчетов 1985 и 1990 гг. [38, рис. 54,1; 55,4; 40, рис. 41].

³ Датировка пожара подтверждается находками монет Узбека (1313–1339) с надчеканкой второй половины XIV в. и анонимной джучидской монеты, чеканенной в Сарай-ал-Джедид в 1350–1361 гг., в слоях, связанных с последующей реконструкцией строений [48, с. 332]. Анализ событий, которые могли стать причиной бедствия, см. напр. [43, с. 55–68].

⁴ К сожалению, такое сопоставление возможно далеко не всегда из-за отсутствия детальной информации об условиях находки в коллекционных описях 1980-х – начала 1990-х годов, где зачастую ограничивались лишь указанием номеров раскопок и «штыков». Кроме того, в некоторых случаях информация в тексте отчета и ссылках на иллюстративный материал не совпадает с данными в коллекционной описи и соответственно не может быть признана достоверной.

⁵ Для аналогий привлечены находки из хронологически гомогенных комплексов иных географически близких памятников, седи которых выделим материалы кораблекрушения у побережья пос. Новый Свет (Юго-Восточный Крым) [23; 74; 75], закрытых комплексов Азака [4; 8; 22; 32; 33; 34; 35] и культурных слоев Кабарди (Северное Приазовье) [11], селения Посидима (Юго-Восточный Крым) [7].

⁶ На иллюстрациях к статье представлено 80 из них.

Эти предметы представляют несколько стилистических семей, которые не являются гомогенными. Они объединяют продукцию различных мастерских, образующих технологические группы, которые могут иметь также и хронологические отличия.

Наиболее представительна семья **керамики сграффито с концентрическими кругами и спиралью в качестве базового элемента декора** (“Sgraffito with Concentric Circles”, далее «SCC») – самая распространенная среди имитаций одного из типов так называемой «Зевкисиповой» керамики (“Zeuxippus Derivative”, “Zeuxippus Influence Ware”, “Zeuxippus Ware Family”, др.) [73; 75 etc.]. Она составляет около 73% предмета коллекции (рис. 2–7; 8,1–8; 9). Около 95% этих сосудов покрыты монокромной желтой, коричнево-желтой (преобладают), зеленой или желтовато-зеленой глазурью с вариациями оттенков (рис. 2; 4–7; 8,1–8; 9). Около 5% – с подцветкой рисунка тонкими радиальными полосами зеленой краски под слабо окрашенной зеленовато-желтой глазурью (рис. 3,1–3).

Изделия в стиле «SCC» получили наибольшее распространение в последней трети XIII – первой четверти XIV вв. Они в обилии встречаются в Восточном Средиземноморье и Причерноморье, в том числе в Крыму и Приазовье, даже на небольших поселениях. Керамика «SCC» производилась во многих больших и малых мастерских от Северной Италии и Эгейского региона до Крыма, включая Западную Анатолию, Центральную Грецию и Балканы [73; 75, р. 360–361].

В алуштинской коллекции по визуальным признакам выделено 4 условных технологических группы изделий этой семьи. Представители иных групп малочисленны, использование их для каких-либо обобщений не целесообразно.

Группа 1 – 27% семьи «SCC» алуштинской коллекции – наиболее близка к группе «Новый Свет» («Novy Svet Ware», далее «NS»), названной так по месту находки большой партии подобных изделий в грузе потерпевшего крушение корабля, остатки которого обнаружены у побережья одноименного поселка в Юго-Восточном Крыму [23; 74] (рис. 2; 8,2,3,4,6,7; 9,4,5). Она соответствует подгруппе 1 группы 1 по классификации керамики Кабарди (Приазовье) И. В. Волкова [11, с. 136], группе 2 византийской поливной керамики по С. Г. Бочарову, А. Н. Масловскому [8, с. 26] и группе 2 византийской керамики из поселения Посидима (Юго-Восточный Крым) по С. Г. Бочарову [7, с. 422–424]. Для нее характерен плотный красно-оранжевый черепок, мелкодисперсная формовочная масса с большим количеством мельчайшего песка и чешуек слюды, утончающийся к опорной плоскости край поддона, использование одноцветной яркой коричнево-желтой, желтой, реже зеленой глазури внутри и вдоль верхнего края снаружи, роспись в виде волны, вертикальных полос, а также потеки и пятна белого ангоба на внешней поверхности.

Группа «NS» представляет собой продукцию какой-то одной или близкородственных крупных мастерских, использовавших общий источник сырья. Эти изделия согласно археометрическим исследованиям были распространены довольно широко – от Восточного Средиземноморья до Северного Причерноморья (встречаются

в Акре, Никее/Изнике, Константинополе/Стамбуле, крымских городах и поселениях пр.). Место расположения самого производственного центра все еще остается не известным [73, р. 675–678; 75, р. 366–373]. Наиболее полный анализ морфологических типов сосудов группы в сочетании с результатами химического анализа формовочной массы приведены в статье французской исследовательницы С. Й. Ваксман и автора [75]. Химический анализ глины трех сосудов алуштинской коллекции (рис. 2,3,5,9) подтверждает принадлежность их к группе «NS» [73, р. 676–677, fig. 24–25].

Изделия из раскопок в Алуште представлены преимущественно фрагментами днищ. Частично реконструирована форма одного блюда (рис. 2,3), верхние части двух чаш с вертикальным слегка вогнутым бортом (рис. 2,1,2) и одной глубокой полусферической чашки, декорированной рядом пальцевых вдавлений в верхней части корпуса (рис. 2,4). Подавляющее большинство находок на лицевой поверхности украшено концентрическими кругами или спиралями. На одном днище окружность дополнена радиальными полосами, выполненными густой многорядной гребенкой (рис. 2,6), еще один обломок орнаментирован четырьмя парами радиальных волнистых линий (рис. 2,7).

По стилистике и некоторым технологическим особенностям к группе «NS» близки изделия мастерских Никее/Изника [59], Анайи/Кадикалеси [63], Пергама и Константинополя [69, р. 148, fig. 2, IST45,121; 72, р. 120, fig. 1; 4; 9; 76]. Существенные отличия заметны лишь по химическим характеристикам состава сырья [70; 75, р. 367, fig. 18]. В связи с этим, с одной стороны нельзя исключать возможность наличия продукции этих или иных близкородственных центров в группе 1 алуштинской коллекции, с другой – такое сходство может свидетельствовать о дислокации мастерских, выпускавших керамику группы «NS», так же как и упомянутых выше, в Северо-Западной Анатолии или Восточной Фракии. Версия о производстве такой посуды в Трапезунде, утвердившаяся в русскоязычной научной литературе, слабо аргументирована [7, с. 425; 8, с. 30]. Автор этого предположения И. В. Волков, выделяя «несколько устойчивых подгрупп» в данной группе, что, по его мнению, свидетельствует «о работе серии родственных мастерских», предлагает два варианта возможной их локализации, а именно – Трапезундскую империю и центральную часть Византии (район Константинополя), однако в итоге не настаивает ни на одном из них [10, с. 288–289; 11, с. 136–137]. Он отмечает, что «сходство рассматриваемой керамики с амфорами «трапезундской» группы ... на текущий момент – *самый веский аргумент против версии их (как и амфор) происхождения из Трапезундской империи*» (выделено мною – И.Т.) и что «встречаемость такой керамики за проливами ... может свидетельствовать о ее происхождении не из Причерноморья, по крайней мере, не из Трапезундской империи» [11, с. 136]. Аргументами в пользу «центральной части Византии» он считает широкое распространение этой керамики за пределами центра как в южном – юго-западном, так и в северном – северо-восточном направлении от центра [10, с. 288; 11, с. 136]. С другой стороны, исследователя смущает, что «именно в это время Константинополь находился под властью латинян»

и это обстоятельство, по мнению Игоря Викторовича вряд ли способствовало «бурному развитию» здесь производства поливной керамики и столь широкому ее распространению [10, с. 289; 11, с. 137]. Однако это не совсем так.

Во-первых, во время правления латинян керамическое производство на завоеванных ими территориях не пришло в упадок⁷. Так, например, в Халкисе (Халкиде) под властью венецианцев продолжалось массовое изготовление амфор так называемой «триллийской группы» (тип II и III по Н. Гюнсенин)⁸, а также поливной керамики «Эгейской группы» или «Middle Byzantine Production» (MBP) [71], ассортимент которой значительно изменился только к середине XIII в., что могло быть связано, например, с изменением кулинарных привычек, новыми модными тенденциями в декоре керамики и пр. (в Халкисе также начали изготавливать сосуды с простым линейным или спиралевидным орнаментом) [77; 78]. В Константинополе в период правления латинян продолжался массовый выпуск белоглиняной керамики с росписью минеральными красками (GWW IV), значительный поток импорта которой был направлен в Причерноморский регион. Причем изготовление GWW IV продолжалось вплоть до возвращения в столицу власти Ромеев и даже, вероятно, некоторое время спустя, что подтверждает крупная партия белоглиняной расписной посуды в грузе «новосветского» корабля, а также многочисленные находки ее в комплексах со слоями пожара, случившегося не ранее 1260 г. [14; 44; 74].

Отсутствие на Кабарди амфор так называемой «триллийской» группы как раз может свидетельствовать о некотором кризисе венецианской торговли в регионе, произошедшем после исчезновения с политической карты Латинской империи⁹.

Во-вторых, массовый выпуск керамики именно указанной группы начался, скорее всего, уже после возвращения Константинополя под власть Ромеев, о чем свидетельствует отсутствие группы «NS» в многочисленных слоях пожара второй

⁷ Радикальные перемены в производстве и торговле не всегда синхронны смене власти, тем более если эта власть лояльна к местному населению и ей выгодно сохранять и развивать местные ремесла, а также торговать получаемой от них продукцией. В таких условиях, наоборот, может наблюдаться даже некоторый экономический подъем в среде покоренного населения.

⁸ Халкис был не единственным центром производства этого типа амфор, но довольно мощным. Его продукция согласно химическим исследованиям сырья фиксируется на различных памятниках Причерноморско-Средиземноморского региона, в том числе в грузе «новосветского» корабля [78].

⁹ Верхнюю хронологическую границу керамического комплекса Кабарди, вероятно, следует отнести ко времени не ранее 1261-го г., но, скорее всего, не позже конца третьей четверти XIII в., когда в археологических комплексах становятся заметны другие группы поливной посуды, в том числе увеличивается количество изделий мастерских Юго-Восточного Крыма [7; 35]. А. Н. Масловский также аргументировано предлагает не ограничивать верхнюю дату Кабарди, а соответственно и раннего комплекса Азака 1261 г., предлагая для нее более широкий диапазон в рамках 60-х гг. или третьей четверти XIII в. [33, с. 290–292].

половины XIII в. на памятниках Крыма, а финал синхронен началу крупных завоеваний Османов в Северо-Западной Анатолии.

Для уточнения нижней даты появления керамики группы «NS» важно учитывать комплексы двух категорий: наиболее поздние, где этой керамики еще нет, и наиболее ранние, где она уже встречается.

Среди «поздних» контекстов – слои пожара и разрушений на городищах Крыма, датированные монетами конца 1250–1260-х гг.

Из «ранних» объектов необходимо упомянуть следующие.

1. Кораблекрушение у побережья пос. Новый Свет. Его нижняя дата определяется тремя с половиной десятками монет трапезундского императора Мануила I Комнина (1238–1263) 1260-х гг. выпуска [19].

2. Заполнение пифосных ям в портовой части Судака с находками трех пулов чеканки Солхата 1260-х и 1270-х гг., два из которых с изображением стремявидной тамги [31], появляющимся на джучидских монетах не ранее 665 г.х. (1266 г.) [17].

3. Ранний комплекс из раскопок Азака, датированный второй половиной третьей четверти XIII в. (не ранее 1263–1269 гг.) [33].

4. Керамический комплекс Кабарди [11].

Приведенные данные позволяют датировать массовое появление керамики группы «NS» в Северном Причерноморье не ранее самого начала 1260-х гг., но не позднее 1270-х гг., то есть – ранним периодом правления Палеологов. Верхняя дата наибольшего распространения по материалам Азака и Крыма приходится на последнюю четверть XIII в. В комплексах 1310-х гг. преобладают уже иные группы византийского импорта [22]. Следовательно, период активного обращения «NS» на рынке составил около четверти столетия. Отдельные экземпляры этих изделий встречаются в слоях более позднего времени, в частности на крепости Чембало, основание которой относят к 1340-м гг.¹⁰ Однако это уже раритеты, к тому же используемые вторично, вероятно, в изготовлении крышек для кувшинов [12, с. 106, рис. 4].

Материалы раскопок городища в Алуште мало информативны для уточнения хронологии керамики круга группы «NS» и позволяют лишь констатировать отсутствие ее в слоях пожара второй половины XIII в.¹¹, а также некоторую связь с жилищно-хозяйственной застройкой, возникшей после этого бедствия.

Группа 2 – около 60% семьи «SCC» алуштинской коллекции¹². Для нее характерны мелкопористая структура черепка и заметные включения частиц рыхлого минерала белого цвета (извести) различной фракции в формовочной массе (отдель-

ные зерна до 0,25 см в сечении). В работе С. Г. Бочарова и А. Н. Масловского по византийскому керамическому импорту изделия с такими признаками специально не отмечены, вероятно они оказались среди продукции «еще целого ряда византийских центров», примыкающих к выделенной ими группе 2 (она же «NS») [8, с. 26].

Группа не гомогенна. Здесь более-менее выразительна одна подгруппа (1), представители которой с внешней стороны покрыты тонким слоем вещества белого цвета, появившегося, возможно, в следствии выплавления на поверхности солей из формовочной массы в процессе обжига (рис. 6,1,3–6; 7,1,5) (около 12,5% семьи «SCC» алуштинской коллекции). По этому признаку, а также конфигурации профиля эти изделия наиболее близки к сосудам подгруппы 2 группы 1 по классификации И. В. Волкова для керамики Кабарди [11, с. 137] и соответственно, скорее всего, синхронны группе «NS». Кроющая глазурь насыщенного желтого цвета, матовая. Формы представлены блюдами с прямыми стенками без выраженного борта и чашами с вертикальным бортом, профиль которого с внешней стороны усложнен горизонтальным ребром. Отдельные фрагменты носят следы ремонта в виде просверленных по обожженной глине округлых отверстий (рис. 6,3,4,7).

Обломки прочих сосудов условно объединены в подгруппу 2 (не гомогенна). Здесь представлены два блока изделий: с монохромным покрытием глазурью желтого, желто-коричневого или зеленого цвета в вариациях оттенков (рис. 4,1,2,4–6; 5,1,3; 6,2; 7,2–4,7; 8,5,9; 9,6–8) и с подцветкой гравированного рисунка тонкими радиальными полосами зеленой краски под слабо окрашенной зеленоватой поливой (рис. 3,1,2). Детальная хронология их затруднительна и пока может быть определена лишь в границах распространения семьи «SCC» в целом. Все изделия по планиграфической и общей стратиграфической позиции тем или иным образом связаны с застройкой, возникшей после пожара второй половины XIII в. Более конкретные условия находки по отчетной документации удалось выяснить лишь для одного сосуда второго блока. Это крупная глубокая чаша с прямым, наклоненным вовнутрь бортом, реконструированная из 15 фрагментов (рис. 3,1). Она обнаружена на полу, соотносимом с первым строительным периодом одного из строений второй линии городских улиц снаружи цитадели (рис. 1,66) [39, с. 22–23, рис. 104]. Это обстоятельство не позволяет сколько-нибудь уточнить датировку предмета, но по крайней мере свидетельствует об использовании этого сосуда жителями данной усадьбы на первом этапе ее существования, завершившемся около середины 1360-х гг.

Группа 3 – около 13% семьи «SCC» алуштинской коллекции. Для нее характерен довольно плотный, иногда слегка слоистый черепок с тонкими порами, мелкозернистый песок и заметные включения частиц рыхлого минерала красновато-коричневого или темно-коричневого цвета в формовочной массе. Группа не гомогенна. В работе С. Г. Бочарова и А. Н. Масловского сосуды с такими признаками также специально не отмечены [8].

Здесь, как и в предыдущей группе, представлены два блока изделий: с монохромным покрытием глазурью (рис. 4,3; 5,2; 7,6; 8,8; 9,3) и с подцветкой гравиро-

¹⁰ О хронологии памятника см. напр. [2].

¹¹ Отметим, что отдельные представители семьи «SCC», какие-то из дериватов т.н. Зевксиновой керамики, в слое пожара одной из усадеб Алушты присутствуют, однако они отличаются по визуальным особенностям состава сырья и морфологическим признакам от группы «NS» [44].

¹² К этой подгруппе относится также поддон одной чаши с иным декором, но сходными технологическими характеристиками (рис. 8,9).

ванного рисунка тонкими радиальными полосами зеленой краски под слабо окрашенной зеленоватой поливой (рис. 3,3). Условия находки предметов, отмеченные в отчетной документации, не дают оснований для детализации их хронологической позиции¹³.

Группа 4 – представлена 2 фрагментами днищ с линейным концентрическим и спиралевидным декором (рис. 9,1,2). Она наиболее близка по визуальным характеристикам формовочной массы к продукции алуштинской гончарной мастерской, в которой могли копироваться византийские образцы и, таким образом, она может быть включена в ареал изделий византийского культурного влияния. Подтвердить или опровергнуть предложенную атрибуцию данных изделий можно будет только на основании специальных исследований сырья, химический состав которого для местной продукции уже известен [68]. Оба предмета происходят из слоев, связанных с жизнедеятельностью усадеб т. н. «золотоордынского» периода истории города (рис. 1,1,41) [48, с. 333, рис. 14,6; 51, рис. 12,1; 15,11]. Следовательно, верхняя дата их бытования может пока быть определена временем первого разорения этих усадеб, около середины 1360-х гг. Стиль декора в целом характерен для византийской керамики более раннего времени, возможно это одни из первых изделий местной мастерской.

Вторая стилистическая семья включает **изделия, декорированные пятнами пурпурно-коричневой краски («брызгами марганца») под слабо окрашенной желтой глазурью** (Manganese Painted Plane or Sgraffito Ware, далее «MPW»). Для изделий характерны два способа украшения внешней поверхности: расцветка исключительно пятнами марганца различной конфигурации (удлиненные, округлые, аморфные); сочетание раскраски с орнаментом сграффито в виде концентрических кругов. В алуштинской коллекции «MPW» представлены четырьмя фрагментами сосудов открытой формы (около 4% коллекции): двумя днищами, верхней частью блюда с узким условно горизонтальным бортом и венчиком небольшой полусферической чашки (рис. 11,1–4). Структура черепка мелкозернистая. Для формовочной массы характерны примеси мелкого песка, белых чешуйчатых блесков (слюда?), частиц мягкого минерала красно-коричневого цвета. Эти признаки, а также стиль и манера декора позволяют соотнести ее с одной из групп византийского импорта, получившего распространение в Северном Причерноморье в золотоордынский период (она включена в группу 14А по А. Масловскому, группу 3 по С. Г. Бочарову и А. Н. Масловскому) [32, с. 393–397; 35; 8, с. 26–30]. Серия изделий «MPW», по наблюдениям А. Н. Масловского, была массовой только в первой четверти XIV в. [35, с. 237]. Контекст алуштинских находок не позволяет сколько-нибудь уточнить хронологическую позицию этой стилистической семьи византийского импорта.

Вопросы происхождения и распространения «MPW», безусловно, нуждаются в дополнительных исследованиях. Предположения коллег о «трапезундском» источ-

¹³ Лишь по отношению к двум предметам отмечено, что они происходят из «помещения 1» без указания слоя [37, с. 41, 44] (рис. 1,1; 8,8; 9,3).

нике этого товара не имеют пока каких-либо вещественных доказательств, также сомнительны замечания о большой редкости «MPW» «в пределах византийского мира» [9, с. 21]. На сегодня известны как минимум один гончарный центр в Северо-Западной Анатолии (Пергам) и один в Константинополе/Стамбуле (район Сиркеджи), где среди продукции иного стиля есть и «MPW» [69, p. 148, fig. 2, IST116; 76, p. 334–336, fig. 8, IST116,117; 72, p. 114–116, fig. 8]. Находки готовых изделий «MPW» этих или иных центров при раскопках объектов с материалами XIII – начала XIV вв. здесь также встречаются [см., напр.: 55, taf. 186,2; 58, tab. 49,230–236; 50,237,238; 76, p. 336, fig. 9]. Стиль «MPW» палеологовского времени, вероятно, наследовал традиции византийской белоглиняной расписной керамики предшествующего периода, в декоре которой использовалась расцветка аморфными пятнами зеленой или пурпурно-коричневой краски под слабо окрашенной желтой или зеленоватой глазурью [61, p. 31, pl. 7,g,i].

Третья стилистическая семья включает **изделия с разнообразным орнаментом сграффито, как покрытом монохромной глазурью, так и с подцветкой пятнами зеленой и/или коричневой краски** (Monochrome Sgraffito Ware, Green/ Brown or Green and Brown Sgraffito Ware, Late Byzantine Sgraffito Ware etc., далее «LBSW»). Подобные сосуды сопоставимы с наиболее массовыми представителями группы 14А по азацкой классификации А. Н. Масловского [32, с. 393–397; 35, с. 232] и группы 3 византийского керамического импорта Северного Причерноморья по С. Г. Бочарову, А. Н. Масловскому [8, с. 26].

В алуштинской коллекции «LBSW» представлены 1 полуэллипсоидальной чашкой с полным профилем и фрагментами еще 6 сосудов открытой формы (около 8% предметов коллекции) (рис. 10), которые условно можно объединить в одну технологическую группу.

Черепок довольно рыхлый, мелкопористый, легко крошится, на изломе коричнево-оранжевого цвета различной насыщенности. В формовочной массе значительное количество мелкозернистого песка, частицы мягкого минерала красно-коричневого цвета, заметны включения белых блесков. Орнамент выполнен резцами одной (около 0,2 см) или различной (около 0,2 и 0,1 см) ширины. Среди элементов декора – концентрические круги, эллиптические заостренные лепестки, восьмеркообразные фигуры, как правило в сочетании с сетчатой либо наклонной штриховкой. Внутри полива желтая от светлых до темных тонов, снаружи в верхней части сосудов – светло-зеленая, 1 экземпляр декорирован с обеих сторон (рис. 10,3).

В отличие от Алушты, в Азаке – это наиболее массовая группа византийского импорта, максимальное распространение которой здесь приходится на конец XIII – первую четверть XIV вв. В этот период ее доля среди поливной керамики комплексов может превышать 50%, но со второй половины 1330-х гг. она уже в 2 раза уступает продукции Юго-Восточного Крыма по численности, а к середине XIV в. ее импорт прекращается вовсе [8, с. 30; 34, с. 97; 35, с. 237]. А. Н. Масловский предлагает более узкую хронологию для некоторых стилистических серий, указывая,

например, что композиции с заштрихованными лепестками вокруг центрального медальона встречаются только в комплексах с пулами 1320–1330-х гг. [35, с. 237–238]. Учитывая незначительный процент этой семьи византийского импорта среди находок в Алуште, очевидно, что в палеологовский период город находился в стороне от основного потока данного товара. Отметим, что и в материалах раскопок Херсонеса, судя по опубликованным данным, «LBSW» хотя и встречаются гораздо чаще, чем в Алуште, однако также значительно уступают по численности изделиям семьи «SCC» [см., напр.: 46, табл. 14–27; 29,85–90; 41,142, 144; 43; 44, 149; 50 – «SCC», в том числе «NS»; 38; 39,131; 46,156–158; 51,159а; 52,169; 62,199 – «LBSW»].

Химические исследования сырья таких находок из Северного Причерноморья не проводились, поэтому их сложно с уверенностью соотнести с продукцией какого-либо из известных центров. В то же время, некоторые параллели в стиле и манере декора прослеживаются среди изделий мастерских Салоник, Микро Писто, Константинополя [65, р. 188–189; 69, р. 147–148, fig. 2,IST118; 79].

А. Н. Масловский считает наиболее вероятной «трапезундскую» локализацию для группы 14А [35, с. 238], в качестве одного из дополнительных аргументов указывая на интенсивные торговые связи Трапезунда с Азаком в этот период. Однако он не подкрепляет этот тезис какими-либо ссылками на материалы археологических исследований в этом регионе, которые, следует признать, труднодоступны.

На территории Северо-Западной Турции, где публикации результатов раскопок и каталогов музейных коллекций представлены в целом гораздо лучше, подобные находки не редкость [см., напр.: 56, р. 344–346, 369, 370, kat. 813, 814, 819, 823, 878, 879, 280, 281; 66].

Четвертая стилистическая семья алуштинской коллекции – **изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике** (так называемые «Elaborate Incised Ware», далее «EIW») – включает 14 реконструированных и фрагментированных изделий (чуть более 15% предметов коллекции) (рис. 12–14). По визуально фиксируемым признакам она может быть разделена на три технологические группы.

Группа 1 EIW составляет большинство (рис. 12,3,4; 13,2–8; 14,1). По описанию она близка группе 15А Азакской классификации А. Н. Масловского [32, с. 397–399] или группе 6 по С. Г. Бочарову и А. Н. Масловскому [8, с. 32–33].

Характерные признаки – оранжево-красный черепок, который довольно легко крошится, формовочная масса с большим количеством разнородного песка среди которого бывают заметны окатанные частицы рыхлого минерала бурого цвета, использование сграффито в сочетании с выемчатой техникой декора, сплошное покрытие глазурью внутри и снаружи, тонкие стенки готовых изделий.

В алуштинской коллекции представлены два вида сосудов: колоколовидный кубок с плоским дном (рис. 14,1) и полусферические чашки на достаточно высоких кольцевых поддонах усечено-конической формы небольшого диаметра (рис. 12,3,4; 13,2–8).

Орнаментация изделий разнообразна. Среди основных элементов украшения внутренней поверхности встречены фигура льва, кипарисы (рис. 12,3,4), различные плетенки, розетки, зигзаги, шахматный орнамент (рис. 13,2–8). Наружная сторона у двух изделий оформлена в виде стилизованных лепестков лотоса под зеленой или зеленовато-желтой глазурью (рис. 12,4; 14,1), у остальных – полностью (до поддона) покрыта зеленой или светло-желтой поливой по белому ангобу (рис. 12,3; 13,2–8).

Аналогичные изделия хорошо известны на средневековых памятниках Восточного Средиземноморья и Причерноморья: Константинополь, Никея, Салоники, Фасос, Родос, Калиакра, Варна, Несебр, Белгород-Днестровский, Херсонес, Чембало, Судак, Каффа, Азак и др. [см., напр.: 5; 12, с. 100–103, рис. 2–3; 26, с. 176–190; 27, с. 104–111; 28, с. 112–116; 46, с. 51–56, табл. 29,94,96–98; 30,99–105; 52, с. 256, цв. вст. 25,1–5; 53, с. 65–77, №№ 43, 57, 59, 60, 74, 75, 79; 60, р. 195–202; 65, р. 22; 69, с. 147–151].

Производство EIW традиционно связывают со столицей Византийской империи и ее ближайшими окрестностями [53, с. 64; 67, р. 38 и др.]. Археологические свидетельства существования такого производства в Константинополе были получены в 2007 г. при раскопках в районе Сиркеджи в Стамбуле. Здесь открыли остатки гончарной мастерской Палеологовского периода, значительную часть продукции которой составляли изделия в стиле EIW, очень близкие некоторым крымским находкам по визуальным характеристикам сырья, морфологии, технике и стилю декора [69, р. 147–151]. Однако, как отмечает в своей статье С. Й. Ваксман, химический анализ формовочных масс показал различия между некоторыми находками из Крыма и Стамбула, что свидетельствует о различном происхождении сырья и вероятно различных, хотя и близкородственных центрах производства, местонахождение которых пока не установлено [69, р. 150].

В Северном Причерноморье находки византийских EIW зафиксированы в комплексах не ранее середины – второй половины XIV в. [5, с. 308–309; 12, с. 101–103; 8, с. 32–33, рис. 5,3–13; 32, с. 397].

В Алуште большинство стратифицированных находок изделий группы 1 EIW происходит из культурных слоев, образовавшихся в промежутке между пожарами второй половины XIII и последней трети XIV в., что не противоречит указанной дате, однако и не уточняет ее. Для некоторых предметов удалось определить контекст более детально: реконструированный кубок и фрагменты верхней части небольшой чашки, оформленные изображениями лепестков лотоса с внешней стороны (рис. 12,4; 14,1), происходят из слоя пожара 1360-х гг. одной из усадеб, то есть, вероятно, еще находились в использовании на время бедствия [51, с. 398–399, рис. 12,6,7; 15,7,8].

Группа 2 EIW из Алушты представлена одной чашкой (рис. 14,2).

По визуальным характеристикам она ближе всего к местной керамике, так называемой группы Юго-Восточного Крыма (далее ЮВК) каффинской подгруппы. У нее плотный черепок, в изломе желто-красного цвета с более светлым, бежевым слоем у внешней поверхности; пластичная, достаточно однородная формовочная

масса, с мелкими частицами рыхлого минерала белого цвета (известняк) и мелкодробленого шамота (?). Ее лицевую поверхность украшает сложная плетенка, практически в точности копирующая изображения на византийских EIW [см., напр.: 60, fig. 2,1,7]. При этом форма самой чаши и даже техника выполнения ее поддона практически повторяет византийские образцы.

Чаша найдена на полу второго строительного периода одного из помещений, реконструированных после пожара последней трети XIV в. (рис. 1,66) [39, с. 19–23, 72, рис. 114], то есть в контексте не ранее 60-х гг. XIV в.

К *группе 3* отнесены 3 изделия (рис. 12,1,2; 13,1). Это небольшие полусферические чашки на высоких кольцевых поддонах усечено-конической формы небольшого диаметра, которые по конфигурации профиля и технике декора, так же как и предыдущий экземпляр, подобные чашкам группы 1, однако отличаются характеристикой формовочной массы. Черепок изделий плотный, насыщенного желто-красного цвета. Глина довольно пластичная, со значительным количеством мелких частиц извести¹⁴, в целом похожа на формовочную массу продукции ЮВК, но с заметной примесью мелкозернистого песка. Одна из чаш украшена многослойным зигзагом, нанесенным широким и тонким резцами. Поле еще двух изделий заполняют изображения голубей, выполненные в технике резерважа и сграффито. Очень близкие по технике, стилю и манере исполнения изображения птиц известны на чашках из мастерских Салоник [65, р. 188–221], Nikei [59, р. 429–430, fig. 10] и Константинополя [69, р. 148, fig. 2,54,97]. Однако продукция этих мастерских значительно отличается составом формовочных масс от алуштинских экземпляров.

Чашки с изображением птиц происходят из заполнения ямы, соотносимой с первым строительным периодом помещения 65 (рис. 1) и таким образом могут быть датированы временем не позднее 1360-х годов [48, с. 332–333]. Третий сосуд найден в заполнении помещения 66 (рис. 1), детальный контекст находки не ясен.

Таким образом, из доступных для изучения материалов раскопок на территории средневекового городища в центре современной Алушты выделено 4 стилистических семьи и не менее 9 технологических групп керамики византийского круга, 6 из которых поступили сюда, вероятно, из заморских центров (Западной Анатолии? Балкан?), 3 – возможно, крымского происхождения. Однако все эти предположения безусловно нуждаются в дальнейших исследованиях, в первую очередь, с применением археометрических методов.

Следует отметить, что не все разновидности византийского импорта, известно-го на сегодня в Северном Причерноморье, встречаются в Алуште. Например, среди керамических находок не удалось обнаружить кувшины с росписью вертикальными полосами белого ангоба, которые представлены на новосветском корабле, в комплексах Кабарди, Херсонесе [75, fig. 14–15; 11, рис. 20; 21; 46, табл. 1–2], группу светлоглиняных кухонных поливных сосудов, хорошо известную из раскопок в Азаке,

¹⁴ При значительном увеличении заметно, что частицы округлых очертаний, с пузырьком воздуха внутри.

Чембало и поселений на Южном берегу Крыма (группа 16 по А. Н. Масловскому) [32а, с. 401–403, рис. 37,1–7; 52, с. 255, рис. 16,8–11], а также кувшины красочно декорированные в технике сграффито и резерважа, также представленные в Азаке, Кафе, Херсоне, Чембало, на других памятниках региона и за его пределами [см., напр.: 27, с. 103–107, рис. 41,9,10; 28, рис. 2,3; 12, рис. 1; 46, табл. 73–78; 32, с. 399–401, рис. 36; др.]. Если кухонные сосуды могли быть просто не взяты в коллекцию из-за своего ординарного вида, то отсутствие поливных декорированных кувшинов несколько удивляет. Возможно, они были более дорогими и менее востребованными в быту, поэтому не пользовались спросом среди местного населения небольшого приморского городка.

Кроме того, среди керамических материалов из раскопок городища крайне мало импортной керамики, синхронной рассматриваемой византийской посуде, но происходящей из других регионов. Например, золотоордынские кашинные изделия на городище встречаются лишь изредка в виде отдельных мелких фрагментов. В единственном экземпляре найден обломок итальянского кувшина группы «*Maiolica arcaica blu*» XIV в. [51, с. 402–403]. Другие группы западного и восточного импорта последней трети XIII–XIV вв., известные в Северном Причерноморье и Восточной Европе [см., напр.: 32, с. 412–444], в алуштинской коллекции обнаружить пока не удалось¹⁵. Это, видимо, обусловлено слабостью связей городища с крупными городскими центрами и некоторой его изоляцией от оживленной международной морской торговли, а также отсутствием заинтересованности торговцев, всегда стремящихся получить максимальные прибыли с наименьшими затратами, в поставках сюда более дорогостоящего товара.

Также очевидно преобладание в коллекции византийской керамики семьи «SCC» (сграффито с концентрическими кругами и спиральями), которая массово поступает в Северное Причерноморье примерно с 1260-х гг. до начала XIV в. Это обстоятельство, во-первых, свидетельствует о том, что населенный пункт в центре современной Алушты вскоре после пожара, случившегося не ранее 1260-х гг., продолжил свое существование и был вовлечен в торговые операции крупных игроков черноморского рынка, которыми на то время, безусловно, были итальянцы; во-вторых, позволяет предположить, что массовая незатейливая византийская керамика в этот период была достаточно выгодным товаром для региональной торговли, что в дальнейшем во многом, видимо, стимулировало развитие товарного поливного производства и в самом Крыму. Отсутствие сколько-нибудь значительного количества монетных находок на памятнике – следствие менового характера таких коммерческих операций.

¹⁵ Более разнообразным ассортимент импортной керамики здесь становится к XV в., преимущественно его середине – третьей четверти (испанский люстр, турецкие «*Miletus Ware*», китайский селадон), когда византийская керамика уже не поступала в Северное Причерноморье, что, очевидно, было связано с глубоким кризисом и последующей гибелью империи Ромеев, однако он тоже был скорее скудным, чем массовым [47; 49; 42, с. 154].

К первой четверти XIV в. в Северном Причерноморье появляются новые группы изделий византийского круга с более разнообразной орнаментацией, однако на алуштинское городище они поступали уже в гораздо меньшем объеме.

Одной из причин этого явления могло быть развитие местного производства поливной посуды как в самой Лусте/Алуште [48], так и в городских центрах Юго-Восточного Крыма (Солхат, Сугдея, Каффа), продукция которых ко второй четверти – середине XIV в. стала доминирующей и на полуострове, и в соседних регионах, вытеснив со временем, вероятно, даже местных мелких производителей.

Вторым существенным фактором в уменьшении объемов импорта из Византийских центров стали завоевания турками-османами на протяжении 1300–1330-х гг. малоазийских владений Византии, где располагались крупные гончарные центры (Никея/Изник, Эфес, Анайя/Кадикалеси, Пергамон и др.). Как известно, в османский период здесь также было организовано керамическое производство, однако технология изготовления, ассортимент и стиль продукции были иные, что свидетельствует о кардинальной смене гончарных традиций с приходом нового населения [см., напр.: 57].

В середине – второй половине XIV в. на городище в небольшом количестве продолжала поступать столовая византийская посуда, однако это были уже более утонченные и, вероятно, более дорогостоящие изделия столичной школы, рассчитанные на отдельных потенциальных покупателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. О дате разрушения городища на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 215–227.
2. Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345–1475 гг.) // Таврические студии. Исторические науки. 2015. Вып. 7. С. 12–18.
3. Алексеенко Н.А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187–191.
4. Белинский И.В., Масловский А.Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. 1998. Вып. 15. С. 179–252.
5. Бочаров С.Г. Группа византийских поливных чаш второй половины XIV в. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 306–323.
6. Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Publishing House, 2016. С. 263–268. (Археологические источники Восточной Европы).
7. Бочаров С.Г. Поселение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII–XIV вв.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев: Stratum Publishing House, 2017. Т. 2. С. 409–446. (Археологические источники Восточной Европы).
8. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – конец XIV вв.) // Волжская археология. 2012. № 1. С. 20–36.
9. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Материалы первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденовск, 2012 / Ред. Ю. Д. Обухов. Казань: ИД «Казанская недвижимость», ИА им. А. Х. Халилова АН РТ, 2016. С. 20–42. (Археология евразийских степей. № 23).
10. Волков И.В. Надпись тушью на чаше из Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. 2004. Вып. 19. С. 286–291.
11. Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 122–159.
12. Гинькут Н.В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «Консульской церкви» генуэзской крепости Чембало // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 99–120.
13. Гинькут Н.В. Византийская поливная керамика и ее имитации из раскопок генуэзской крепости Чембало // VI Византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» (Севастополь, 2–6 июня 2014 г.). Тезисы докладов и сообщений / Ред.-сост. Н.А. Алексеенко. Севастополь: СПД Арефьев, 2014. С. 20–21.
14. Голофаст Л.А. 2008. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 345–384.
15. Голофаст Л.А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 275–377.
16. Голофаст Л.А., Рыжов С.Н. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
17. Гончаров Е.Ю. «Стремявидная» тамга – тамга Берке? (Джендский вклад в нумизматику Крыма) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. Актуальні проблеми нумізматки у системі спеціальних галузей історичної науки / Ред. Г.В. Борьяк. Київ, 2011. С. 58–65.
18. Гукин В.Д., Джанов А.В. Новые находки керамики византийского круга из раскопок портовой части средневековой Сугдеи в 2010–2011 годах // Труды Государственного Эрмитажа. 2013. Вып. 69: Византия в контексте мировой культуры: сборник научных трудов, посвященный памяти А.В. Банк (1906–1984). С. 30–39.
19. Дергачева Л.В., Зеленко С.М. Монеты Трапезунда с кораблекрушения XIII века в бухте поселка Новый Свет // Сугдейский сборник. 2008. Вып. III. С. 425–439.
20. Джанов А.В. Судакская крепость. Двести лет исследований // Скржинская Е.Ч. Судакская крепость. История – археология – эпиграфика. Киев; Судак; СПб.: Академперіодика, 2006. С. 322–358.
21. Джанов А.В. Казалии Солдайи и Готии по данным книг Массарии Каффы // История и археология Крыма. 2017. Вып. V. С. 286–340.

22. Дмитриенко В.Н., Масловский А.Н. Комплекс 1310-х годов из раскопок Азака // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. 2006. Вып. 22. С. 231–257.
23. Зеленко С.М. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997–99 гг. // *Vita Antiqua*. 1999. Вып. 2. С. 223–234.
24. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в северо-восточном районе Херсонеса // *ХСб*. 1998. Вып. IX. С. 182–194.
25. Кирилко В.П. Крепостные сооружения средневековой Алушты // *Stratum plus*. 2014. Вып. 6. С. 177–234.
26. Кравченко А.А., Столярик Е.С. Керамика византийского круга из Белгорода XIII–XIV веков // *Материалы по археологии Северного Причерноморья* / Ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1983. С. 176–190.
27. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре. Киев: Наукова думка, 1986. 128 с.
28. Кравченко А.А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы // *Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур* / Ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1991. С. 111–120.
29. Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // *Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: Сб. науч. тр.* / Ред. Г.И. Смирнова. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1989. С. 141–157.
30. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII–XV вв. // *МАИЭТ*. 2003. Вып. X. С. 506–532.
31. Майко В.В. Закрытый комплекс середины XIII в. из раскопок в портовой части средневековой Сугдеи // *Актуальные вопросы истории, культуры и этнографии Юго-Восточного Крыма. Материалы VI Международной научной конференции (Новый Свет, 6–7 октября 2012 г.)* / Ред. В.Ю. Ганкевич, А.А. Непомнящий. Симферополь: Новый Свет, 2013. С. 185–194.
32. Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 году*. 2006. Вып. 21. С. 308–472.
33. Масловский А.Н. О времени возникновения Азака // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 году*. 2006. Вып. 22. С. 257–295.
34. Масловский А.Н. Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // *Степи Европы в эпоху средневековья*. 2008. Т. 6. С. 93–124.
35. Масловский А.Н. Об одной группе византийской поливной керамики кон. XIII – 1-й пол. XIV в. из раскопок золотоордынского Азака // *Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время*. 2010. Т. 8. С. 231–252.
36. Масловский А.Н. Начало производства поливной керамики в Юго-Восточном Крыму в последней четверти XIII – первой половине XIV в. // *Филология и культура*. 2012. № 1(27). С. 192–196.
37. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1984 г. // *Архив ИА НАНУ*. Д. 1984/76.
38. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековых укреплений Алустон и Фуна в 1985 г. // *Архив ИА НАНУ*. Д. 1985/12в.
39. Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1988 г. // *Архив ИА НАНУ*. Д. 1988/30.
40. Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1990 г. // *Архив ИА НАНУ*. Д. 1990/21б.
41. Мыц В.Л. Ранний этап строительства крепости Алустон // *ВВ*. 1997. Т. 57(82). С. 187–203.
42. Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV в. // *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней* / Сост. В.Г. Рудницкая, И.Б. Тесленко. Киев: Стилос, 2002. С. 139–189.
43. Мыц В.Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
44. Мыц В.Л. Завоевание поздневизантийской Таврики Монголами: историко-археологический контекст катастрофы последней четверти XIII в. // *Stratum Plus*. 2016. Вып. 6. С. 69–106.
45. Паршина Е.А. «Дом священника» на театральной улице Херсонеса // *Древняя и средневековая Таврика: Сборник статей, посвященный юбилею Е.А. Паршиной*. Киев, 2015. С. 17–38. (Археологический альманах. № 33).
46. Романчук А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. Портовый район. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2003. 224 с., 228 табл.
47. Тесленко И. Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // *Сугдейский сборник* / Ред. Н.М. Куковальская. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 467–494.
48. Тесленко И. Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // *Полви́нная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 324–348.
49. Тесленко И.Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // *Полви́нная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.* / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 385–410.
50. Тесленко И.Б. Поливная керамика Крыма от эпохи Золотой Орды и генуэзской колонизации до Османских завоеваний: 120 лет исследований (историографический очерк) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2016. Вып. VIII. С. 92–158.
51. Тесленко И.Б. Комплекс керамики из раскопок усадьбы золотоордынского периода на территории средневекового городища в Алуште (Крым) // *Полви́нная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII века* / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситди́ков. Казань; Кишинев: Stratum Publishing House, 2017. Т. 2. С. 387–407. (Археологические источники Восточной Европы).
52. Тесленко И.Б., Лысенко А.В., Майко В.В., Семин С.В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // *История и археология Крыма*. 2017. Вып. V. С. 192–233.
53. Штерн Э.Р. Феодосия и ее керамика // *Музей Императорского Одесского общества истории и древностей*. 1906. Т. III. С. 52–83, IX табл. ил.
54. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XVe siècle)*. Vol. 2. Gènes; Rome: École française de Rome, 1978.
55. Böhlendorf-Arslan B. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Istanbul: Yayinlari, 2004.
56. Böhlendorf-Arslan B. *Die Spätantike, byzantinische und postbyzantinische Keramik*. Bestandskataloge. Band 4. Wiesbaden, 2013.
57. Burlot J., Waksman S.Y., Böhlendorf-Arslan B., Vroom J., Japp S., Teslenko I. *The early Turkish pottery productions in western Anatolia: provenances, contextualization and techniques* //

- XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Antalya, 19–24 October 2015. Antalya, 2015. P. 427–429.
58. Doğer L. Hisartepeler/Daskyleion Kazısı Bizans Seramikleri, Prof. Dr. Tomris Bakır'a Armağan. Daskyleion II. İstanbul: Ege Yayınları, 2012.
59. François V. Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production (Xe-début XIe siècle) // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1997. Vol. 121(1). P. 411–442.
60. François V. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine à l'époque Paléologue // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. Т. I. С. 195–208.
61. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery. Princeton: University Press, 1992.
62. Inanan F. Anaia–Kadikalesi: A New Zeuxippus Ware Production Centre // Proceedings of the International Symposium “Trade and Production Through the Ages”, Konya, 25–28 November 2008. Konya: Selçuk University, 2010. P. 115–128.
63. Inanan F. Zeuxippus Type Ceramics and Samples from Kadikalesi/Anaia, Kusadasi // Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası / Mercangöz Z. (ed.). İstanbul: Yayınları, 2013. P. 59–76.
64. Karpov S. P. Main Changes in the Black Sea Trade and Navigation, 12th-15th centuries // Proceedings of the 22nd International congress of Byzantine Studies, Sofia, 22–27 August 2011. Sofia, 2011. P. 419–429.
65. Byzantine Glazed Ceramics / Ed. D. Papanicola-Bakirtzi. Athens: Archaeological Receipts Fund, 1999.
66. Patitucci Uggeri S. A type of polychrome derivative «zeuxippus ware» from excavations at Kyme (Turkey) // XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, Antalya, October 19–24, 2015. Antalya, 2015. P. 449–452.
67. Talbot Rice D. Byzantine Glazed Pottery. Oxford: Clarendon Press, 1930.
68. Teslenko I., Waksman S.Y. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea // In & Around. Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM3. Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17–19 april 2015. Faenza: All'Insegna del Giglio, 2016. P. 192–194.
69. Waksman S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople / İstanbul: chemical characterization and preliminary typological study // Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009. Venezia, 2012. P. 147–151.
70. Waksman S.Y. The Identification and Diffusion of Anaia's Ceramic Products: A Preliminary Approach Using Chemical Analysis // Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası / Ed. Z. Mercangöz. İstanbul: Yayınları, 2013. P. 101–112.
71. Waksman S.Y. Defining The Main "Middle Byzantine Production" (MBP): Changing Perspectives In Byzantine Pottery Studies // XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, Antalya, October 19–24, 2015. Antalya, 2015. P. 397–407.
72. Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine ceramics excavated in Pergamon. Archaeological classification and characterization of the local and imported productions by PIXE and INAA elemental analysis, mineralogy and petrography // Materials Analysis of Byzantine Pottery / Ed. H. Maguire. Washington D.C., 1997. P. 105–133.
73. Waksman S.Y., François V. Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware // Bulletin de correspondance hellénique. 2004–2005. P. 128–129, 629–724.
74. Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Svet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis // Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marzo de 2006. T. II. Ciudad Real: Asociación Española de Arceología Medieval, 2009. P. 851–856.
75. Waksman S.Y., Teslenko I. “Novy Svet Ware”, an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations // International Journal of Nautical Archaeology. 2010. Vol. 39.2. P. 357–375.
76. Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S. Caractérisation des céramiques produites dans les ateliers de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2009 // Anatolia Antiqua. 2010. Vol. XVIII. P. 329–337.
77. Waksman S.Y., Kontogiannis N.D., Skartsis S.S., Vaxevanis G. The main “Middle Byzantine Production” and pottery manufacture in Thebes and Chalcis // Annual of the British School at Athens. 2014. Vol. 109. P. 379–422.
78. Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae // Journal of Archaeological Science: Reports. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008>.
79. Zikos N. Pottery workshop at Mikro Pisto in Thrace // Byzantine Glazed Ceramics / Ed. D. Papanicola-Bakirtzi. Athens: Archaeological Receipts Fund, 1999. P. 243–248.

REFERENCES

1. Ajbabin A.I. O date razrusheniya gorodiwa na plato Eski-Kermen. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 2014, vol. 42, pp. 215–227.
2. Adaksina S.B., Myc V.L. Formirovanie malyh gorodov Genujezskoj Gazarii (na primere faktorii v Chembalo: 1345–1475 gg.). *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki*, 2015, vol. 7, pp. 12–18.
3. Alekseenko N.A. K voprosu o dejatel'nosti Hersonesskogo monetnogo dvora v XIII stoletii. *Khersonesskij sbornik*, 1996, vol. VII, pp. 187–191.
4. Belinskij I.V., Maslovskij A.N. Tipologicheskaja karakteristika materialov raskopok uchastka zolotoordynskogo Azaka (g. Azov, ul. Moskovskaja, 7). *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg.*, 1998, vol. 15, pp. 179–252.
5. Bocharov S.G. Gruppa vizantijskih polivnyh chash vtoroj poloviny XIV v. Bocharov S.G., Mytc V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 306–323.
6. Bocharov S.G. Istoricheskaja geografija Genujezskoj Gazarii 1275–1475 gg. Bocharov S.G., Sitdikov A.G. (Eds.), *Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na Evrazijskom prostranstve. Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordy. Materialy Sed'moj Mezhdunarodnoj konferencii, posvjajonnoj pamjati G.A. Fjodorova-Davydova*, Kazan', Jalta, Kishinev, Stratum Publishing House, 2016, pp. 263–268.

7. Bocharov S.G. Poselenie Posidima v JUgo-Vostochnom Krymu i ego keramicheskij kompleks (rubezh XIII–XIV vv.). Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII veka*, Kazan', Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, vol. 2, pp. 409–446.
8. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Vizantijskaja polivnaja keramika v gorodah Severnogo Prichernomor'ja zolotoordynskogo perioda (vtoraja polovina XIII – konec XIV vv.). *Volzhskaja arheologija*, 2012, No 1, pp. 20–36.
9. Bocharov S.G., Maslovskij A.N. Polivnaja keramika s rospis'ju margancem (Vizantija i Zolotaja Orda). Obuhov Ju.D. (Ed.), *Materialy pervogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma. Pjatigorsk – Budenovsk, 2012*, Kazan', 2016, pp. 20–42.
10. Volkov I.V. Nadpis' tush'ju na chashe iz Azova. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2002 g.*, 2004, vol. 19, pp. 286–291.
11. Volkov I.V. Polivnaja keramika kompleksa Kabardi. Bocharov S.G., Mytc V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 122–159.
12. Gin'kut N.V. Polivnaja keramika vizantijskogo kruga iz raskopok «Konsul'skoj cerkvi» genujezskoj kreposti Chembalo. *Khersonesskij sbornik*, 2005, vol. XIV, pp. 99–120.
13. Gin'kut N.V. Vizantijskaja polivnaja keramika i ee imitacii iz raskopok genujezskoj kreposti Chembalo. Alekseenko N.A. (Ed.), *VI Vizantijskij seminar «XEPZONOΣ ΘEMATA: imperija i polis» (Sevastopol', 2–6 ijunja 2014 g.)*. Tezisy dokladov i soobwenij, Sevastopol', SPD Aref'ev Publ., 2014, pp. 20–21.
14. Golofast L.A. 2008. Remesla i promysly Hersona v XIII v. (po nahodkam iz sloja pozhara). *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2008, vol. XIV, pp. 345–384.
15. Golofast L.A. Gradostroitel'nyj oblik Hersona v XIII veke. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2009, vol. XV, pp. 275–377.
16. Golofast L.A., Ryzhov S.N. Raskopki kvartala X v severnom rajone Hersonesa. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 182–260.
17. Goncharov E.Ju. «Stremjavidnaja» tamga – tamga Berke? (Dzhenskij vklad v numizmatiku Kryma). Borjak G.V. (Ed.), *Special'ni istorichni disciplini: pitannja teorij ta metodiki. Aktual'ni problemi numizmatiki u sistemi special'nih galuzej istorichnoï nauki*, Kiïv, 2011, pp. 58–65.
18. Gukin V.D., Džhanov A.V. Novye nahodki keramiki vizantijskogo kruga iz raskopok portovoj chasti srednevekovoj Sugdei v 2010–2011 godah. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2013, vol. 69, pp. 30–39.
19. Dergacheva L.V., Zelenko S.M. Monety Trapezunda s korablekrushenija XIII veka v buhte posjolka Novyj Svet. *Sugdejskij sbornik*, 2008, vol. III, pp. 425–439.
20. Džhanov A.V. Sudakskaja krepost'. Dvesti let issledovanij. *Skrzhinskaja E.Ch. Sudakskaja krepost'. Istorija – arheologija – jepigrafika*, Kiev, Sudak, St-Petersburg, Akademperiodika Publ., 2006, pp. 322–358.
21. Džhanov A.V. Kazalii Soldaji i Gotii po dannym knig Massarii Kaffy. *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2017, vol. V, pp. 286–340.
22. Dmitrienko V.N., Maslovskij A.N. Kompleks 1310-h godov iz raskopok Azaka. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.*, 2006, vol. 22, pp. 231–257.
23. Zelenko S.M. Itogi issledovanij podvodno-arheologicheskoi jekspedicii Kievskogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997–99 gg. *Vita Antiqua*, 1999, vol. 2, pp. 223–234.
24. Zolotarev M.I., Korobkov D.Ju., Ushakov S.V. Kladovaja doma XIII veka v severo-vostochnom rajone Hersonesa. *Khersonesskij sbornik*, 1998, vol. IX, pp. 182–194.
25. Kirilko V.P. Krepostnye sooruzhenija srednevekovoj Alushty. *Stratum plus*, 2014, vol. 6, pp. 177–234.
26. Kravchenko A.A., Stoljarik E.S. Keramika vizantijskogo kruga iz Belgoroda XIII–XIV vekov. Vanchugov V.P. (Ed.), *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomor'ja*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 176–190.
27. Kravchenko A.A. *Srednevekovyj Belgorod na Dnestre*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1986, 128 p.
28. Kravchenko A.A. Importnaja polivnaja keramika XIII–XIV vv. iz Kaffy. Vanchugov V.P. (Ed.), *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaja zona drevnih kul'tur*, Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 111–120.
29. Kramarovskij M.G. Solhat-Krym: k voprosu o naselenii i topografii goroda v XIII–XIV vv. Smirnova G.I. (Ed.), *Itogi rabot arheologicheskikh ekspedicii Gosudarstvennogo Ermitazha*, Leningrad, Gosudarstvennyj Ermitazh Publ., 1989, pp. 141–157.
30. Kramarovskij M.G. Dzhuchidy i Krym: XIII–XV vv. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2003, vol. X, pp. 506–532.
31. Majko V.V. Zakrytyj kompleks serediny XIII v. iz raskopok v portovoj chasti srednevekovoj Sugdei. Gankevich V.Ju., Nepomnjawij A.A. (Eds.), *Aktual'nye voprosy istorii, kul'tury i jetnografii Jugo-Vostochnogo Kryma. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Novyj Svet, 6–7 oktjabrja 2012 g.)*, Simferopol', Novyj Svet Publ., 2013, pp. 185–194.
32. Maslovskij A.N. Keramicheskij kompleks Azaka. Kratkaja charakteristika. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2004 godu*, 2006, vol. 21, pp. 308–472.
33. Maslovskij A.N. O vremeni vznikovenija Azaka. *Istoriko-arheologicheskie issledovanija v Azove i na Nizhnem Donu v 2005 godu*, 2006, vol. 22, pp. 257–295.
34. Maslovskij A.N. Podval kupecheskogo doma konca pervoj poloviny XIV veka iz Azaka. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ja*, 2008, vol. 6, pp. 93–124.
35. Maslovskij A.N. Ob odnoj gruppe vizantijskoj polivnoj keramiki kon. XIII – 1-j pol. XIV v. iz raskopok zolotoordynskogo Azaka. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ja. Zolotoordynskoe vremja*, 2010, vol. 8, pp. 231–252.
36. Maslovskij A.N. Nachalo proizvodstva polivnoj keramiki v Jugo-Vostochnom Krymu v poslednej chetverti XIII – pervoj polovine XIV v. *Filologija i kul'tura*, 2012, vol. 1(27), pp. 192–196.
37. Myts V.L. Otchet ob arheologicheskikh issledovanijah srednevekovoj kreposti Aluston v 1984 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1984/7b.
38. Myts V.L. Otchet ob arheologicheskikh issledovanijah srednevekovyh ukreplenij Aluaton i Funa v 1985 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1985/12v.
39. Myts V.L. Otchet ob arheologicheskikh issledovanijah srednevekovoj kreposti Aluston v 1988 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1988/30.
40. Myts V.L., Adaksina S.B. Otchet o raskopkah srednevekovogo ukrepleniya Aluston v 1990 g. *Arhiv Instituta arheologii NAN Ukrainy*, D. 1990/21b.
41. Myts V.L. Rannij jetap stroitel'stva kreposti Aluston. *Vizantijskij Vremennik*, 1997, vol. 57(82), pp. 187–203.

42. Myts V.L. Genujezskaja Lusta i Kapitanstvo Gotii v 50–70-e gg. XV v. Rudnickaja V.G., Teslenko I.B. (Ed.), *Alushta i Alushtinskij region s drevnejshih vremen do nashih dnei*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 139–189.
43. Myts V.L. *Kafa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty*. Simferopol, Universum Publ., 2009, 528 p.
44. Myts V.L. Zavoevanie pozdnevizantijskoj Tavriki Mongolami: istoriko-arheologičeskij kontekst katastrofy poslednej chetverti XIII v. *Stratum Plus*, 2016, vol. 6, pp. 69–106.
45. Parshina E.A. «Dom svjawnnika» na teatral'noj ulice Hersonesa. *Drevnjaja i srednevekovaja Tavrika: Sbornik statej, posvjawnnyj jubileju E.A. Parshinaj*, Kiev, 2015, pp. 17–38.
46. Romanchuk A.I. *Glazurovannaja posuda pozdnevizantijskogo Khersona. Portovyj rajon*. Ekaterinburg, Uralskij Universitet Publ., 2003, 224 p.
47. Teslenko I.B. Ispanskaja keramika s rospis'ju ljustrom v Krymu. Kukoval'skaja N.M. (Ed.), *Sugdejskij sbornik*, Kiev, Sudak, Akadempriodika Publ., 2004, pp. 467–494.
48. Teslenko I.B. Proizvodstvo polivnoj keramiki v kreposti Aluston (Krym). Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 324–348.
49. Teslenko I.B. Tureckaja keramika s rospis'ju kobal'tom v Krymu (problemy hronologii). Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 385–410.
50. Teslenko I.B. Polivnaja keramika Kryma ot jepohi Zolotoj Ordy i genujezskoj kolonizacii do Osmanskih zavoevanij: 120 let issledovanij (istoriografičeskij očerok). *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2016, vol. VIII, pp. 92–158.
51. Teslenko I.B. Kompleks keramiki iz raskopok usad'by zolotoordynskogo perioda na territorii srednevekovogo gorodiwa v Alushte (Krym). Bocharov S.G., Fransua V., Sitdikov A.G. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII veka*, Kazan', Kishinev, Stratum Publishing House, 2017, vol. 2, pp. 387–407.
52. Teslenko I.B., Lysenko A.V., Majko V.V., Semin S.V. Novoe poselenie XIV–XV vv. u zapadnogo podnozh'ja g. Aju-Dag (Juzhnyj Krym). *Istorija i arheologija Kryma*, Simferopol, 2017, vol. V, pp. 192–233.
53. Shtern E.R. Feodosija i ee keramika. *Muzej Imperatorskogo Odesskogo obwestva istorii i drevnostej*, 1906, vol. III, pp. 52–83.
54. Balard M. *La Romanie Génoise (XIIe – début du XV e siècle)*. Vol. 2. Génes, Rome, École française de Rome Publ., 1978.
55. Böhlendorf-Arslan B. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Istanbul, Yayinlari Publ., 2004.
56. Böhlendorf-Arslan B. *Die Spätantike, byzantinische und postbyzantinische Keramik. Bestandskataloge. Band 4*. Wiesbaden, 2013.
57. Burlot J., Waksman S.Y., Böhlendorf-Arslan B., Vroom J., Japp S., Teslenko I. The early Turkish pottery productions in western Anatolia: provenances, contextualization and techniques. *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Antalya 19–24 October 2015, Antalya, 2015*, pp. 427–429.
58. Doğer L. *Hisartep/Daskyleion Kazısı Bizans Seramikleri, Prof. Dr. Tomris Bakır'a Armağan. Daskyleion II*. İstanbul, Ege Yayınları Publ., 2012.
59. François V. Les ateliers de céramique byzantine de Nicée/Iznik et leur production (Xe – début XIVe siècle). *Bulletin de correspondance hellénique*, 1997, vol. 121(1), pp. 411–442.
60. François V. Elaborate incised ware: un témoin du rayonnement de la culture Byzantine à l'époque Paleologue. Bocharov S.G., Myts V.L. (Eds.), *Polivnaja keramika Sredizemnomor'ja i Prichernomor'ja X–XVIII vv.*, Kiev, Stilos Publ., 2005, vol. I, pp. 195–208.
61. Hayes J.W. *Excavations at Sarachane in Istanbul. The pottery*. Princeton, University Press, 1992.
62. Inanan F. Anaia–Kadikalesi: A New Zeuxippus Ware Production Centre. *Proceedings of the International Symposium "Trade and Production Through the Ages", Konya, 25–28 November 2008*, Konya, Selçuk University Publ., 2010, pp. 115–128.
63. Inanan F. Zeuxippus Type Ceramics and Samples from Kadikalesi/Anaia, Kusadasi. Mercangöz Z. (ed.), *Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası*, Istanbul, Yayinlari Publ., 2013, pp. 59–76.
64. Karpov S.P. Main Changes in the Black Sea Trade and Navigation, 12th-15th centuries. *Proceedings of the 22nd International congress of Byzantine Studies, Sofia, 22–27 August 2011*, Sofia, 2011, pp. 419–429.
65. Papanicola-Bakirtzi D. (ed.), *Byzantine Glazed Ceramics*. Athens, Archaeological Receipts Fund Publ., 1999.
66. Patitucci Uggeri S. A type of polychrome derivative «zeuxippus ware» from excavations at Kyme (Turkey). *XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, October 19–24, 2015 Antalya, Antalya, 2015*, pp. 449–452.
67. Talbot Rice D. *Byzantine Glazed Pottery*. Oxford, Clarendon Press, 1930.
68. Teslenko I., Waksman S.Y. Lusta, a Small Glazed Pottery Workshop on the Southern coast of Crimea. In & Around. *Ceramiche e comunità. Secondo convegno tematico dell' AIECM3. Faenza, Museo Internazionale delle Ceramiche, 17–19 april 2015*, Faenza, 2016, pp. 192–194.
69. Waksman S.Y. The first workshop of Byzantine ceramics discovered in Constantinople / Istanbul: chemical characterization and preliminary typological study. *Atti del IX Congresso Internazionale sulla Ceramica Medievale nel Mediterraneo, Venezia, 23–27 novembre 2009*, Venezia, 2012, pp. 147–151.
70. Waksman S.Y. The Identification and Diffusion of Anaia's Ceramic Products: A Preliminary Approach Using Chemical Analysis. Mercangöz Z. (ed.), *Byzantine Craftsmen – Latin Patrons. Reflections from the Anaian Commercial Production in the Light of the Excavations at Kadikalesi near Kuşadası*, Istanbul, Yayinlari Publ., 2013, pp. 101–112.
71. Waksman S.Y. Defining The Main "Middle Byzantine Production" (MBP): Changing Perspectives In Byzantine Pottery Studies. *XIth Congress AIECM3 on medieval and modern period Mediterranean ceramics, October 19–24, 2015 Antalya, Antalya, 2015*, pp. 397–407.
72. Waksman S.Y., Spieser J.-M. Byzantine ceramics excavated in Pergamon. Archaeological classification and characterization of the local and imported productions by PIXE and INAA elemental analysis, mineralogy and petrography. Maguire H. (éd.), *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington D.C., 1997, pp. 105–133.
73. Waksman S.Y., François V. Vers une redefinition typologique et analytique des céramiques byzantines du type Zeuxippus Ware. *Bulletin de correspondance hellénique*, 2004–2005, pp. 128–129, 629–724.
74. Waksman S.Y., Teslenko I., Zelenko S. Glazed Wares as Main Cargoes and Personal Belongings in the Novy Swet Shipwreck (13th c. AD, Crimea): a Diversity of Origins Investigated by Chemical Analysis. *Actas del VIII Congreso Internacional de Ceramica Medieval. Ciudad Real-Almagro del 27 del febrero al 3 de marzo de 2006*. Ciudad Real, 2009, vol. II, pp. 851–856.

75. Waksman S.Y., Teslenko I. "Novy Svet Ware", an Exceptional Cargo of Glazed Wares in a 13th Century Shipwreck near Sudak (Crimea, Ukraine). Morphological Typology and Laboratory Investigations. *International Journal of Nautical Archaeology*, 2010, vol. 39.2, pp. 357–375.
76. Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S. Caractérisation des céramiques produites dans les ateliers de Sirkeci (Istanbul). Résultats de la campagne 2009. *Anatolia Antiqua*, 2010, vol. XVIII, pp. 329–337.
77. Waksman S.Y., Kontogiannis N.D., Skartsis S.S., Vaxevanis G. The main "Middle Byzantine Production" and pottery manufacture in Thebes and Chalcis. *Annual of the British School at Athens*, 2014, vol. 109, pp. 379–422.
78. Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the origins of twomain types of Middle and Late Byzantine amphorae. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008>.
79. Zikos N. Pottery workshop at Mikro Pisto in Thrace. Papanicola-Bakirtzi, D. (ed.), *Byzantine Glazed Ceramics*, Athens, Archaeological Receipts Fund Publ., 1999, pp. 243–248.

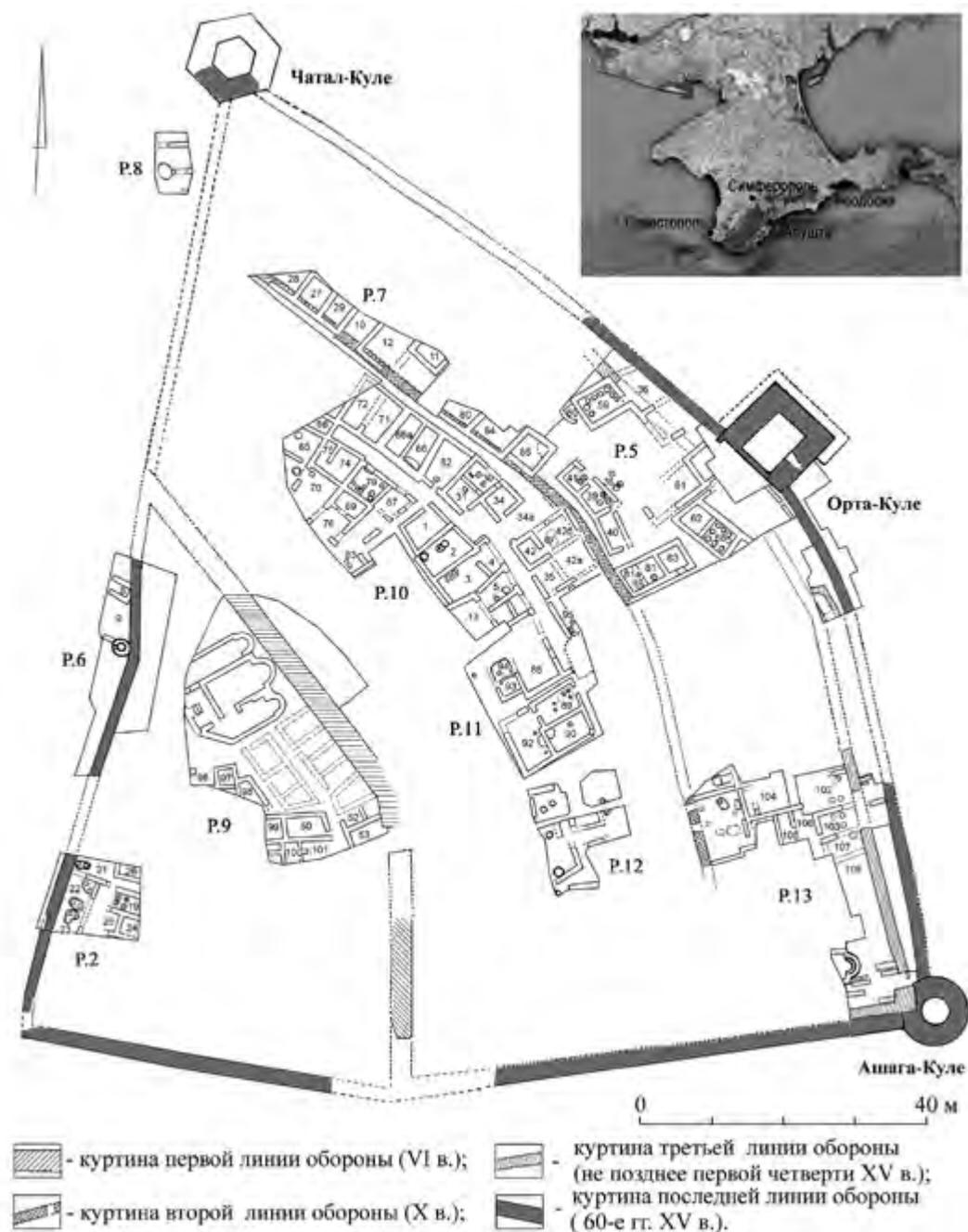
I. B. TESLENKO

Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia)

THE BYZANTINE-INFLUENCED GLAZED POTTERY FROM THE PALAIOLOGEAN PERIOD EXCAVATED IN THE FORTRESS IN ALUSHTA

Abstract: After the restoration of the Byzantine Empire under the Palaiologean dynasty in 1261, it almost not spread its power on Taurica. However, Byzantine commodities, especially pottery, continued to penetrate there for more than 150 years that followed. Their main suppliers were Italian merchants, who established themselves in the Crimean coast. To understand the scale of this trade, there is need to organize complete publications of the materials excavated at various archaeological sites. Therefore the main goal of the present research is to make complete introduction to scholarly circulation of the Byzantine-influenced glazed pottery from the thirteenth and fourteenth centuries excavated at a small medieval urban centre located in modern Alushta area in the southern Crimea.

Keywords: Crimea, the southern coast of the Crimea, Middle Ages, Palaiologean period, maritime trade, Byzantine glazed pottery.

Рис. 1. Крепость в Алуште. План разновременных крепостных сооружений и застройки XIV–XV вв. P.2,5–13 – номера раскопов. 1–5, 13–108 – номера помещений, указанные в отчетной документации. Рисунок автора.

Рис. 2. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиральями в качестве базового элемента декора («SCC») (1-6, 8-10). 1-10 – группа 1 [3, 5, 9 – по: 73, fig. 24-25]. Рисунок автора.

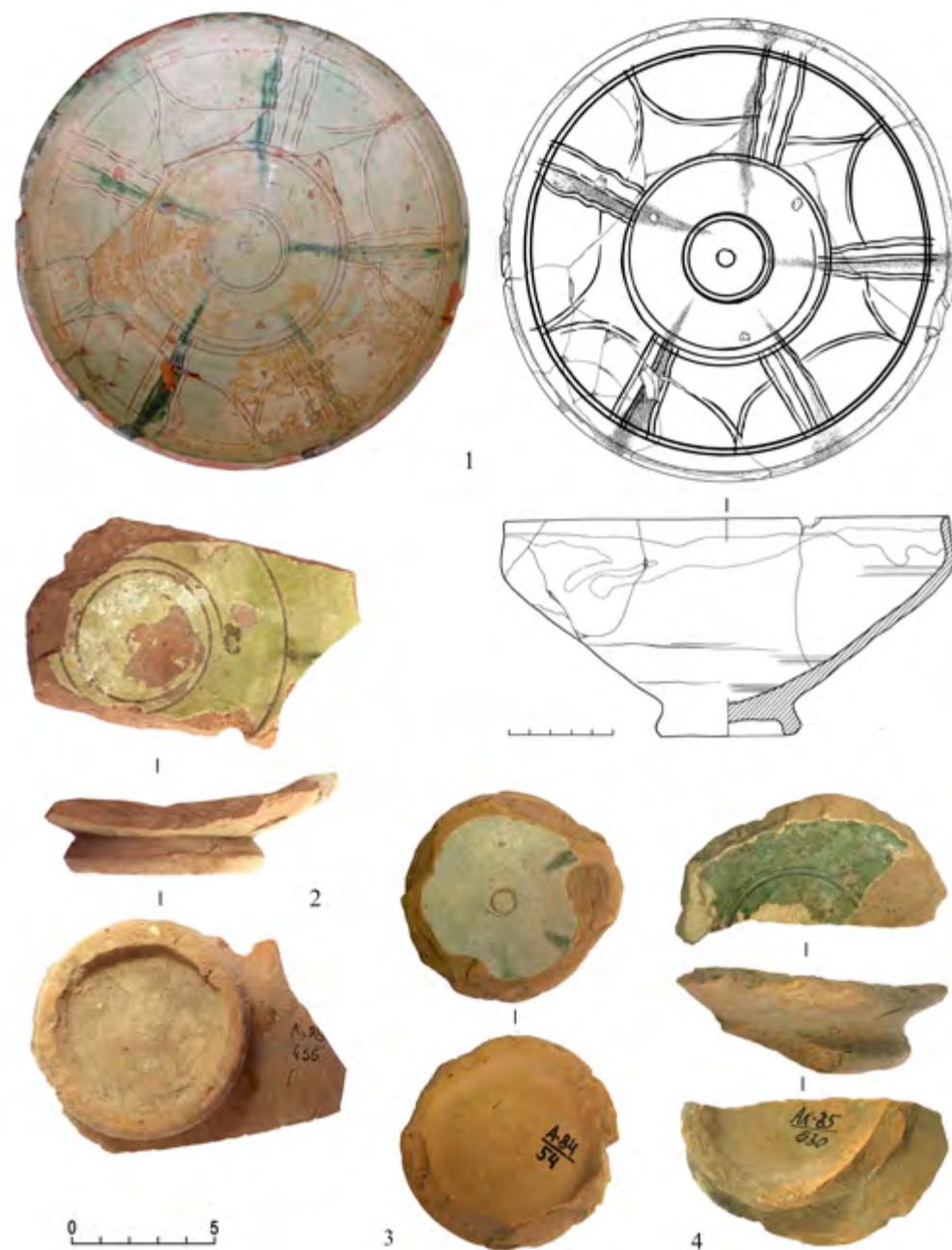

Рис. 3. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиральями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1-2 – группа 2, подгруппа 2, блок 2; 3 – группа 3, блок 2. Рисунок автора.

Рис. 4. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 2, 4-6 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 3 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

Рис. 5. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 3 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 2 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

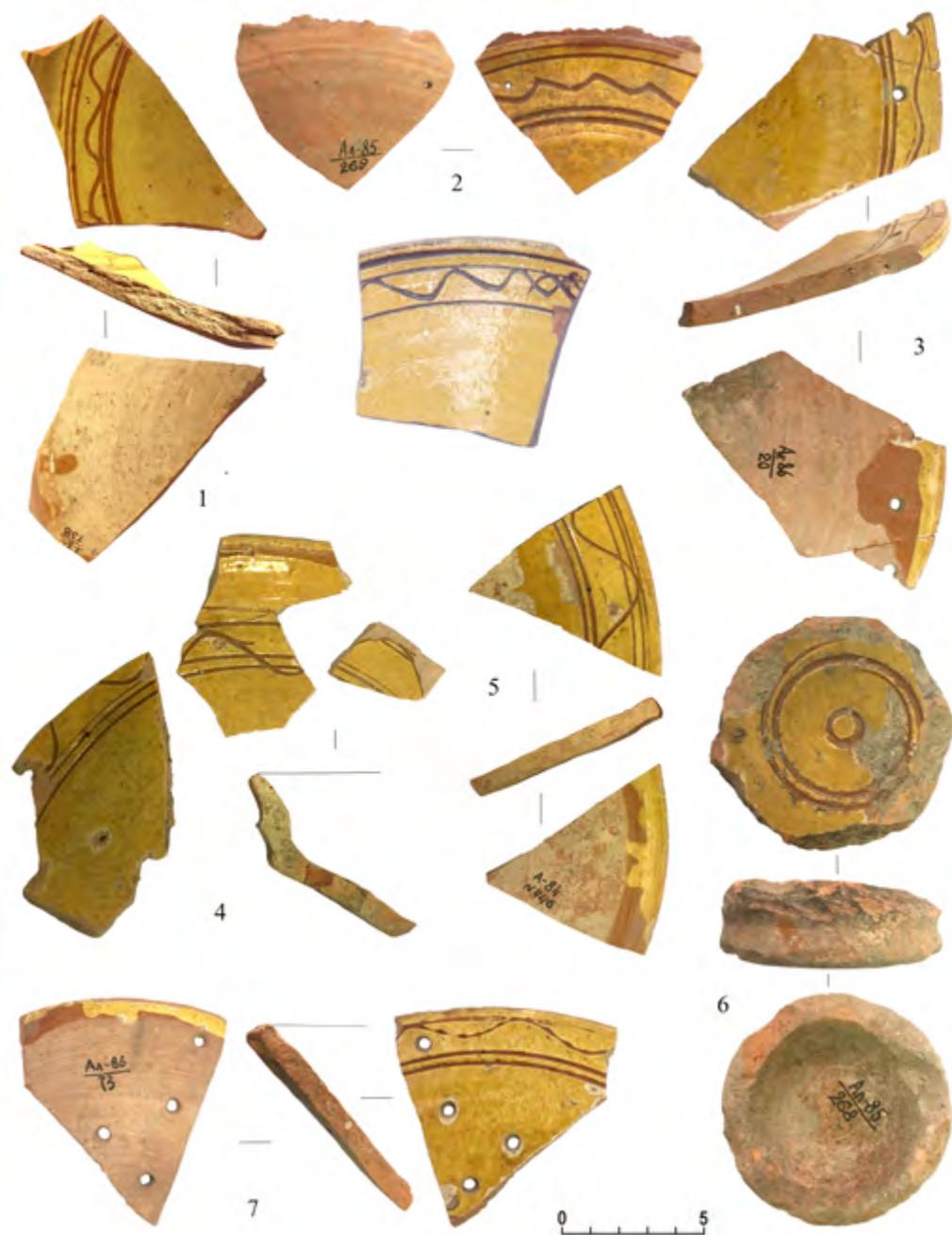

Рис. 6. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиральями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 3-6 – группа 2, подгруппа 1; 2 – группа 2, подгруппа 2, блок 1. Рисунок автора.

Рис. 7. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиральями в качестве базового элемента декора («SCC»). 1, 5 – группа 2, подгруппа 1; 2-4, 7 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 6 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

Рис. 8. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC»). 2-4, 6, 7 – группа 1; 5, 9 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 8 – группа 3. Рисунок автора.

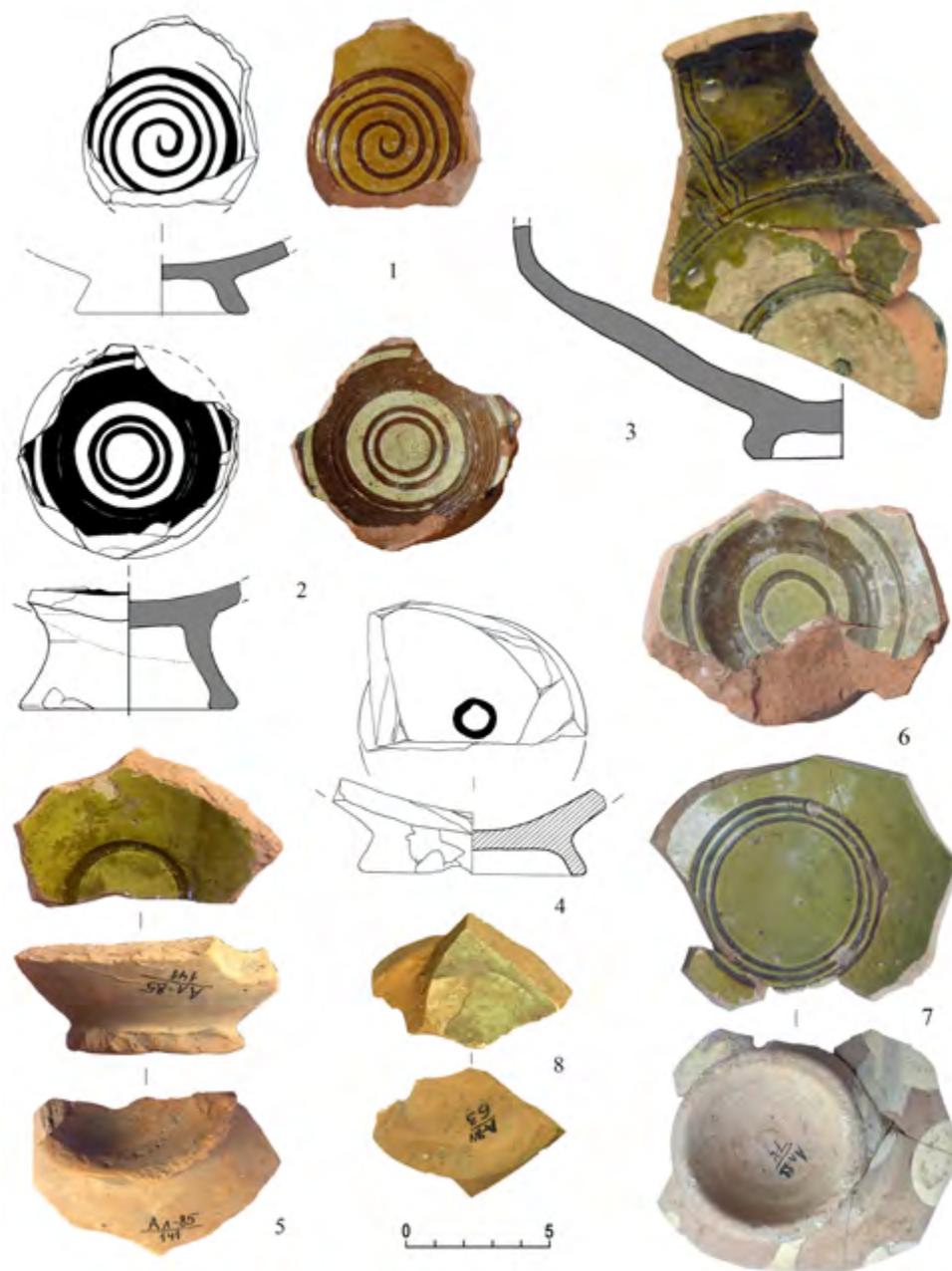

Рис. 9. Керамика сграффито с концентрическими кругами и спиралями в качестве базового элемента декора («SCC») (1, 2, 4-8). 1, 2 – группа 4; 4, 5 – группа 1; 6-8 – группа 2, подгруппа 2, блок 1; 3 – группа 3, блок 1. Рисунок автора.

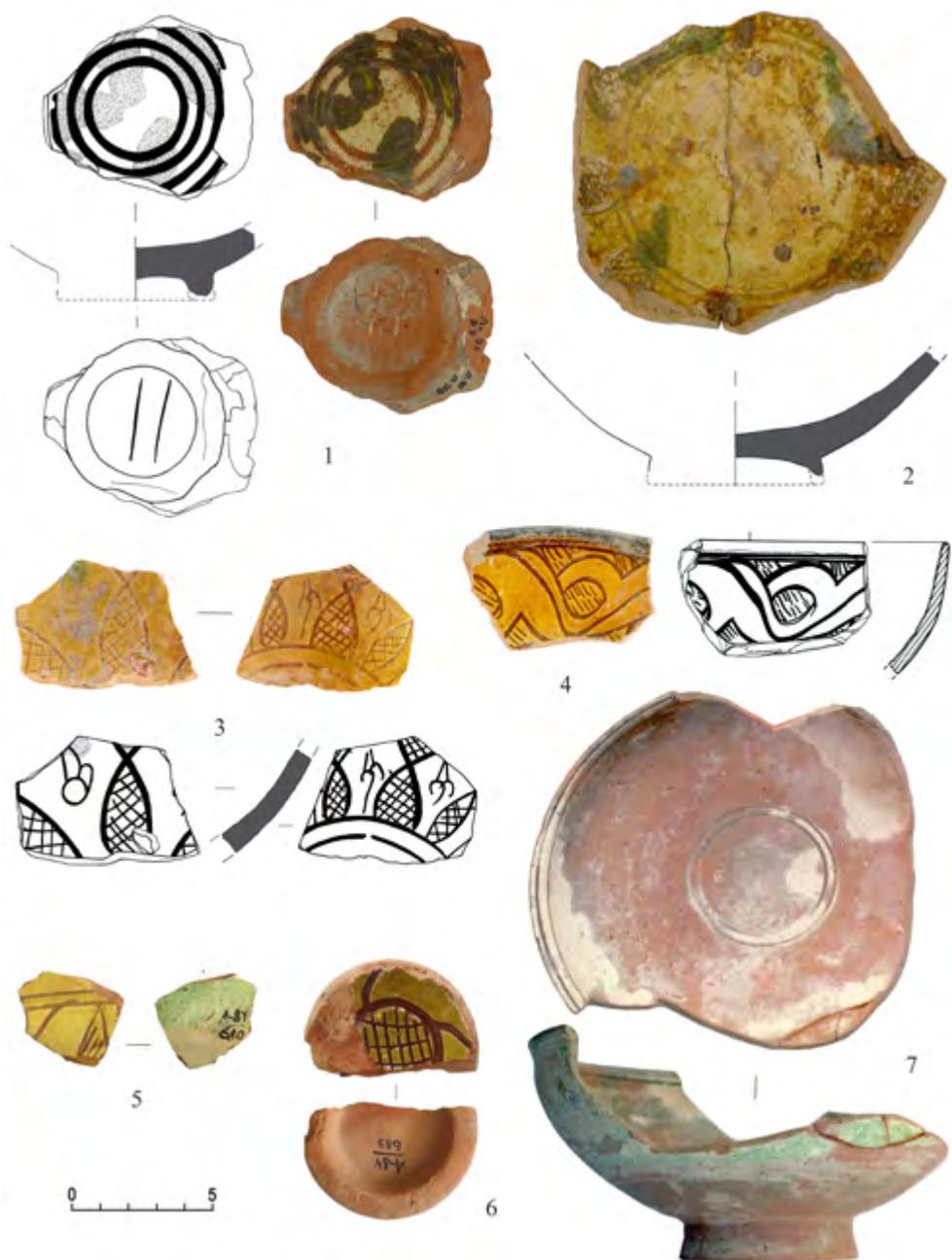

Рис. 10. Изделия с разнообразным орнаментом сграффито как под монохромной глазурью, так и с подцветкой пятнами зеленой и/или коричневой краски («LBSW»).
Рисунок автора.

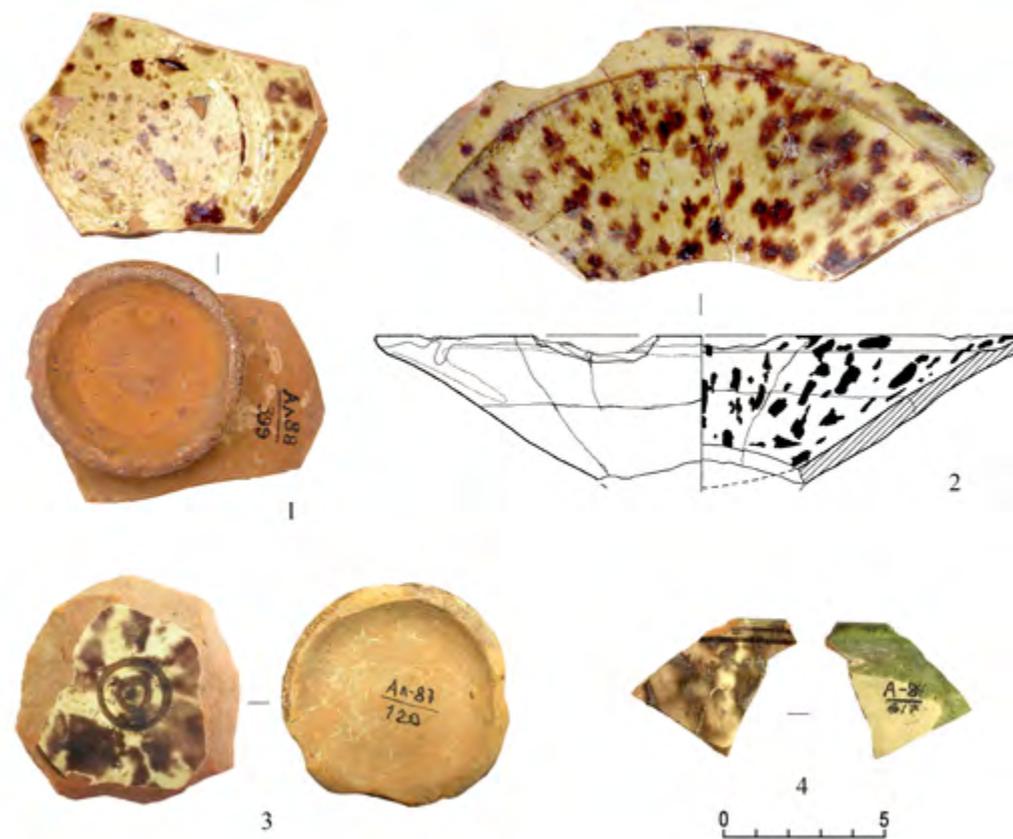

Рис. 11. Керамика, украшенная пятнами пурпурно-коричневой краски («брызги марганца») под слабо окрашенной желтой глазурью («MPW»). Рисунок автора и С. В. Семина.

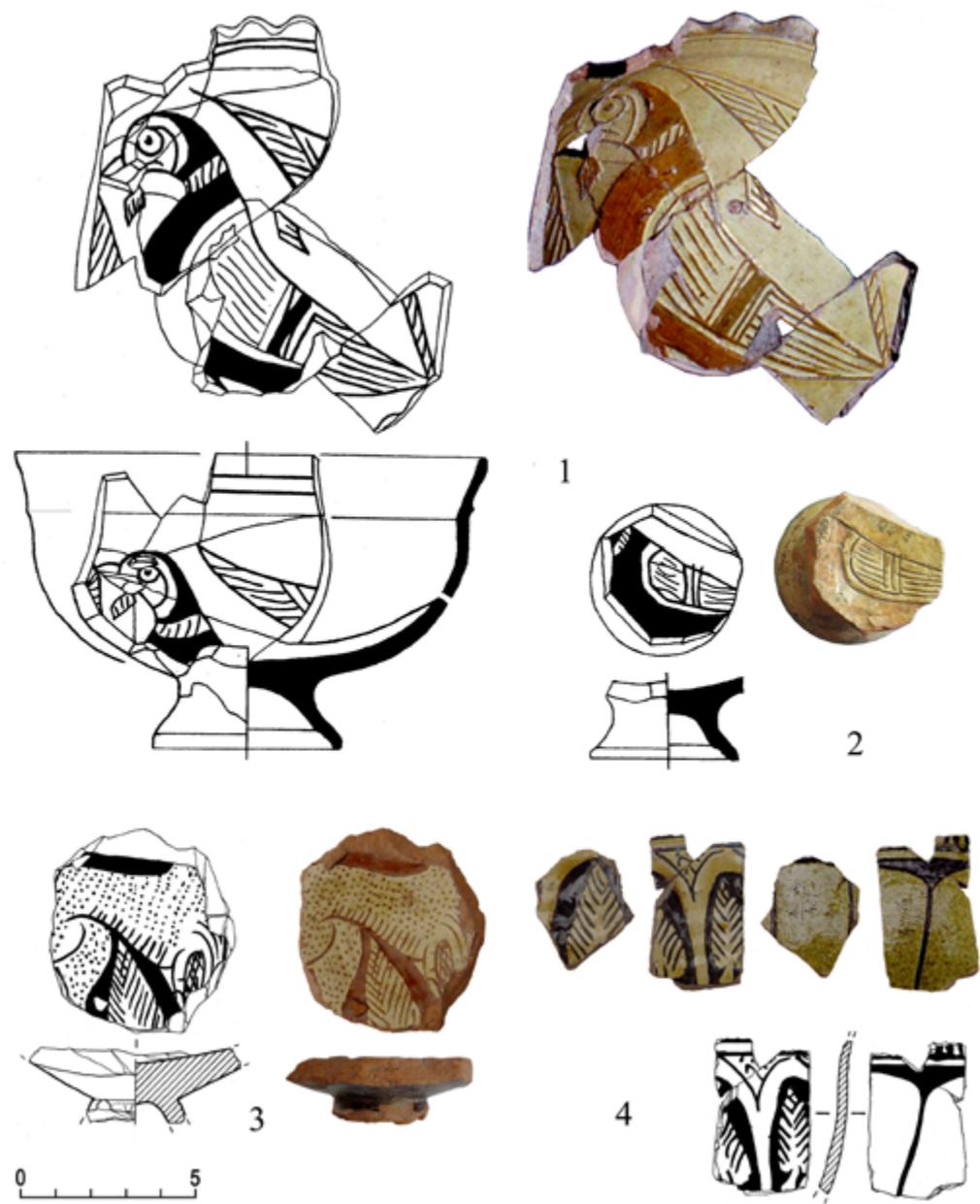

Рис. 12. Изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике («EIW»): 1, 2 - группа 3; 3, 4 - группа 1. Рисунок автора и С. В. Семина.

Рис. 13. Изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике («EIW»): 1 - группа 3; 2-8 – группа 1. Рисунок автора и С. В. Семина.

Рис. 14. Изделия со сложным врезным орнаментом, выполненным в выемчатой и сграффито технике («EIW»). 1 – группа 1; 2 – группа 2. Рисунок автора и С. В. Семина.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ^{а)}, Д. Э. СЕЙДАЛИЕВА^{б)}

а) Крымский инженерно-педагогический университет; Институт археологии Крыма Российской академии наук (Симферополь, Россия); Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)

б) Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

КЕРАМИКА КАК ИНДИКАТОР ИННОВАЦИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КОЧЕВНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (на примере находок с поселения «Старый Фонтан»)¹

Аннотация: Статья посвящена публикации некоторых категорий импортных керамических изделий из раскопок поселения золотоордынского времени «Старый Фонтан» в Крыму. Поселение было локализовано по результатам археологических разведок 2014 г., в ходе подготовки проекта строительства высоковольтной линии электропередач «Каффа-Симферополь» и исследовано в 2016 г. Нумизматический, а также другой сопутствующий инвентарь, позволяют датировать золотоордынское поселение в пределах XIV в., в том числе выделить два хронологических этапа существования поселения. Целью публикации было показать каким образом культурные традиции оседлого населения проникают в традиционную кочевническую культуру. Судя по набору археологических находок, памятник представляет собой типичное поселение золотоордынского времени, содержащее признаки присутствия как кочевой, так и оседлой культур. В ходе раскопок было выявлено значительное количество археологических материалов, в том числе и значительное число керамических фрагментов, среди которых особый интерес представляют импортные сосуды, производства поволжских гончарных мастерских, а также византийских производственных центров. Так в ранних горизонтах функционирования поселения были обнаружены два керамических фрагмента, производство которых связывают с Константинопольской мастерской. Фрагмент сероглиняного тисненого кувшина, происходящий из верхнего горизонта, вероятно происходит из Поволжья, куда эта ремесленная традиция, вероятно, пришла из среднеазиатских (хорезмских) мастерских. Керамический импорт из регионов с оседлым населением входит в быт кочевого населения Крымского юрта Улуса Джучи, являясь сво-

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 33.5156. 2017/БЧ по теме «Византийское присутствие в Крыму: политический, экономический и культурный аспекты»,